

Новые переводы

VR В настоящее время возрастает интерес к новому французскому институционализму и, в особенности, к экономике конвенций Люка Болтански и Лорана Тевено. Переводы текстов Тевено уже публиковались в журналах «Вопросы экономики» (1997, № 7), «Социология и культурная антропология» (2000, № 3). Лоран Тевено периодически читает лекции во Французском Колледже при Московском государственном университете. В 2000 г. он также выступил с публичными лекциями в Государственном университете – Высшей школе экономики и Московской Высшей школе социальных и экономических наук.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ: ПРЕОДОЛЕННОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ?*

Лоран Тевено

Высшая школа социальных наук,
Группа политической и моральной социологии (Париж)
E-mail: thevenot@ehess.fr

Перевод – Т.Бокова, А.Олейник

Введение¹

Противопоставление понятий «социальная норма» и «рациональность» делит социологов и экономистов на два противоборствующих лагеря, отличающихся способами описания человеческого поведения. Лежа в основе резко выраженного

* Данный текст является переводом статьи Tevenot, Laurent. *Rationalité ou normes sociales: une opposition dépassée?* In: Gerard-Varet L.-A., Passeron J.-C., (dir.), *Le Modèle et l'Enquete. Les usages du principe de rationalité dans les sciences sociales*, Paris: Ed. de l'EHSS, 1995. Перевод опубликован в слабо доступном издании: *Право и экономика: традиционный взгляд и перспективы развития*. М.: Гос. университет - Высшая школа экономики, 1999, с. 159-208. Перевод размещен в нашем журнале с согласия издательства.

¹ Представление данной работы в рамках семинара, посвященного роли рациональности в общественных науках, позволило получить точные наблюдения для дальнейшей работы над текстом. Особенно ценными были замечания организаторов семинара, Ж.-К. Пассерона и Л.-А. Жерара-Варе. Предыдущая версия была представлена также членом лаборатории CREA и значительно выиграла от замечаний Ж.-П. Дюпюи и А. Орлеана. Окончательное редактирование стало возможным во многом благодаря дискуссиям с П. Ливе и О. Фавро в рамках преподаваемого совместно курса «Теория координации в социальных науках». Л. Тевено, среди других публикаций см. «Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире» // *Вопросы экономики*, 1997, № 7, с. 69–85.

столкновения позиций двух наук, это противопоставление обуславливает их взаимное игнорирование или попытки разделения зон влияния (п. 1.1). Фигуры действия, развивающегося вокруг каждого из двух понятий, кажутся противостоящими друг другу начиная с первоначального замысла: одна – вырисовывающая контуры социального или коллективного поведения, другая – касающаяся индивидуального решения. Для того чтобы охватить эти две фигуры в единой перспективе и отыскать общую программу для совокупности общественных наук (включая экономику), каждое из понятий необходимо рассмотреть в одних и тех же измерениях, а именно: изучать интеграцию индивидуальных действий в порядок, равновесие, координацию – термины отличаются в зависимости от предложенной схемы интеграции. Таким образом, два понятия, от которых мы оттолкнулись, находят место в двух сильно отличающихся друг от друга схемах: заведомо установленного *порядка* социального поведения; *равновесия*, являющегося результатом рационального выбора. Однако схемы, определенные парами «норма – порядок» и «рациональность – равновесие», подверглись важным трансформациям по мере того, как внимание социологов, а с недавнего времени и экономистов, устремлялось к сложному взаимодействию между индивидами, к координации и взаимной независимости. Не ведет ли проверка этих схем к переосмыслению изначальной конфронтации и понимания рациональности вообще? (п. 1.2).

Следуя традициям исследований, опирающихся на каждую из двух схем, мы попытаемся показать существующую параллельность в их развитии, ориентированном на задачу уловить непостоянную динамику локальных взаимодействий в ущерб регулярности порядков или общего равновесия. Для описания координации во взаимодействии, для того чтобы уловить процедуры согласования и их пределы, исследователь должен принимать в расчет способы представления индивидами действий контрагентов. В этой перспективе суждения участников взаимодействий не могут больше ограничиваться либо применением нормы, либо выбором между заданными а priori альтернативами. Из параллели между эволюцией социального (п. 2) и экономического (п. 3) подходов к анализу координации следует сходство между независимыми трансформациями: утверждением *интерпретативного подхода* в философии действия, антропологии и общей социологии и *когнитивного подхода* для анализа стратегических взаимодействий в экономической теории. Основываясь на этих двух трансформациях, мы поднимем общий вопрос о модальности суждения, которое выносит индивид о действиях других индивидов, а не только о нормативной или объективной ситуации. Это суждение по-разному отражено в терминах репрезентативности, смысла, взаимных ожиданий, предвосхищения, ссылки на общепринятое (*savoir commun*). Понятия нормы и рациональности соответствуют двум способам рассмотрения того, как индивид воспринимает ситуацию; и они должны быть помещены в более широком ряду форм, описывающих модальности суждения.

В последнем разделе статьи мы проанализируем последствия сделанных выше предположений и предложим своего рода отчет о разнообразных модальностях суждения, адаптированного к различным возможностям согласования действия с окружающим миром (п. 4). Мы сможем также разграничить согласование, осуществляемое в одностороннем порядке каждым из участников, когда среда взаимодействия рассматривается в качестве объективно заданной, от взаимного согласования в ходе совместной деятельности. Последнее предполагает выработку общих оценок на основе разделяемых обеими сторонами подходов. В этом контексте легко увидеть отличие между способом координации и категорией оценки (цена, репутация, общий интерес, эффективность и т.д.). Акцент на способе координации

позволяет избежать жесткого противопоставления договорных транзакций как результата рационального выбора и поведения, предопределенного социальными нормами. Это вновь ставит под вопрос исходное противопоставление нормы и рациональности и побуждает к анализу компетенции индивидов в оценках, которая затрагивает разнообразные модальности суждений в более широком понимании.

1. Рациональность и социальное действие

Определение рациональности и ее место в системе общественных наук являются яблоком раздора между различными дисциплинами и течениями². Ее спецификация в терминах оптимизационной рациональности, используемой в экономических формулировках, служит точкой отсчета при столкновениях разных научных взглядов, согласно которым она принимается или, наоборот, отвергается. В той же экономической науке другая спецификация, в терминах ограниченной и процедуральной рациональности, предложенная Саймоном, находит все большее распространение. Она широко используется в работах неонституционалистов, которые пытаются охарактеризовать организации и особенно правила, по которым те функционируют на основе индивидуальных решений. Однако ограниченная рациональность не поддается так же хорошо, как и предыдущая, моделированию, что часто приводит к ограничению использования этой концепции. Именно в связи с понятиями, получившими развитие в социологии и антропологии (социальные нормы, ценности, культура), этот разрыв стал наиболее явным. Разрыв проявляется в четко определенных столкновениях между позициями, в столкновениях, развивающихся по более или менее агрессивным сценариям, которые обычно подразделяют на два следующих типа.

1.1. Симметричные попытки редукции

Для того чтобы избавиться от конкурирующего понятия, часто приходится ограничить исследуемые взаимодействия иллюзорным миром. Критика может быть направлена на идеализм и ирреальность исследователя или на иллюзии собственно индивидов. Критика первого типа, представленная Дюркгеймом в «Методологии социологии», касается претензий политической экономии, которая образовалась как наука, специализированная на анализе общественных фактов, претворяющихся в жизнь ввиду приобретения богатства, – претензия, провозглашенная еще Стюартом Миллем в его замысле учений о человеческой природе. Нас ничто не убеждает в том факте, пишет Дюркгейм, что есть сфера социальной активности, где желание обогащения играет в действительности преобладающую роль. Предмет политической экономии включает «не реальности, на которые можно показывать пальцем, но чисто умозрительные конструкции», которые создаются экономистами для решения конкретных задач (E. Durkheim, 1983/1895, p. 24). Второй тип критики, направленный на иллюзии собственно индивидов, представляет взгляды, развиваемые Парето в его «Трактате об общей социологии». Он противопоставляет нелогичным инстинктам, которые губят человека («рудименты»), работу, совершенную в целях объяснения действия («производную»), «симптом надобности в логике» человека, который свои инстинкты

² Наш интерес нацелен в данной работе на анализ развития общественных наук, посвященных координации действия, и на анализ роли суждений индивида в процессе координации. Мы рассматриваем только объяснения, заимствованные из совокупности терминов действия, оставляя в стороне функционалистские объяснения, которые оперируют конечными целями системы (R. K. Merton, 1968).

«воплощает в логичные или псевдологичные рассуждения» (V.Pareto, 1968/1916, п. 798, с. 434).

Этот последний тип критики часто принимает форму раскрытия действительных побудительных мотивов индивидов, а не выдвигаемых ими на первый план иллюзорных. Таким образом, данная критика является одним из видов стратегий редуцирования, которые мы будем рассматривать более детально ниже. Исследователь показывает ошибочность объяснения, даваемого самим индивидом в терминах социальной нормы и рациональности, и предлагает альтернативную интерпретацию. В данном случае ссылка на социальные нормы становится лишь оправданием, которое скрывает конкретные интересы. «Рационализация» индивидуального решения полностью охватывает коллективные устои поведения, основанные на социальных нормах.

- *Социальные нормы как результат рациональности*

Зная место, которое занимает инструментальная рациональность в экономической науке, можно увидеть именно здесь первую попытку сведения социальных норм к индивидуальной рациональности. Макс Вебер предполагает, что «один из ресурсов образования экономической теории как науки» связан с доказательством, что поведение, направляемое только интересами, производит «эффекты, эквивалентные тем, которые достигают, применяя нормы» (M.Weber, 1971/1922, p. 28). Работа Гари Беккера имеет целью распространить эту операцию сведения норм к рациональному выбору на совокупность человеческих поступков, прибегая при необходимости к понятию «фантомные цены», когда цены как таковые не существуют, потому как в данном случае под человеческими поступками понимаются действия, совершенно не относящиеся к экономическим (G.S.Becker, 1976). Выявление интересов способствует снижению роли, которую играют нормы и привычки. Что особенно очевидно в случае слепого и возведенного в абсолют использования триады: стабильные предпочтения, максимизация полезности и равновесие рынка (R.Swedberg, ed., 1990). Вопреки этому в более поздних работах неоклассиков правила и привычки вновь получают право на существование, даже учитывая, что речь идет об объяснении с их помощью структур, которые оказывают давление на урегулирование контрактов в условиях максимизации интересов экономическими агентами и недостатка информации (J.Tirole, 1988). Таким образом, теория стимулов пытается обосновать оптимальность регулирующих механизмов в условиях асимметричности информации.

Замысел приведения социальных норм к рациональности более древний, чем экономическая наука. Идея, что нравственные потребности могут быть сведены к одному понятному интересу, – это «сердце» философии морали Юма. Какая теория нравственности, спрашивает он в заключении «Исследования о принципах морали», может быть хоть как-нибудь полезна, если она не в силах показать, что обязанности, которые она вменяет, соответствуют также интересам каждого? (D.Hume, 1951b/1751, p. 280). Юм пытается обойти общепринятое противоречие между любовью к себе и социальными обязанностями, предлагая понятие объединяющего, согласованного (agreeable) качества, способного привести к согласию. Программа сведения Юма была позже возобновлена в теории нравственности Давида Готье (1986). Готье не считает решение Юма удовлетворительным, так как оно не учитывает достаточным образом специфику требования беспристрастности, выдвигаемого моралью в отношении к личному интересу. Но эта критика подхода «эгоиста» не приводит автора к принятию максимы беспристрастности, и он отклоняет теорию Роулза как слишком инспирированную работами Канта, удаляющими нас от модели заинтересованного действия (ibid., p. 237). Готье выводит нравственные ограничения рациональности из

процедуры индивидуального выбора, благодаря взятию в расчет некоторых «структур взаимодействия», которые, по мнению автора, выявят «выгодный» характер этих ограничений. Стало быть, подобное повторение идей Юма значительно выигрывает от развития общественных наук в сторону анализа структур взаимодействия. Эту эволюцию мы будем исследовать в следующей части.

- *Оптимизирующая рациональность как социальная норма*

Симметричные по отношению к предыдущей идее попытки сведения рациональности к социальной норме имеют следующее обоснование. Аргумент заключается в том, что рациональность имманентна западной культуре или характеризует современный этап в историческом развитии. Для того чтобы основать подобную культурную или историческую интерпретацию рациональности, исследователи обращаются к анализу бюрократической рациональности Макса Вебера³. Парсонс, например, говорит о рациональности как о «рациональной норме эффективности» (T.Parsons, 1968/1937, p. 56).

Даже у Гоббса, который предложил модель социального порядка, предполагающую реализацию собственных интересов рациональными индивидами, иногда рациональность принимает нормативный характер, индивиды при этом рассматриваются с точки зрения их чувств или «пертурбаций души», что угрожает этой рациональности. Таким образом, «любовь к славе или известности за известными пределами должна рассматриваться в качестве одной из пертурбаций», равно как и удовольствие от посмертной славы. Тогда как «уважение к самому себе – это не пертурбация, а само условие существования души» (Т.Hobbes, 1974/1658, p. 167). Вышеупомянутый нормативный элемент – душа *должна* основываться на самоуважении, не создает ли он предпосылок для нормативной интерпретации рациональности? Джейн Хэмптон в своей работе о Гоббсе (Jean Hampton, 1986) признает, что данное долженствование несколько туманно (puzzling), но оно может быть понято в соотношении с нормальностью физиологического состояния. Этот автор приводит в качестве аргумента трактовку сумасшествия в «Левиафане». Согласно этой трактовке, «страсть, сила и продолжительность которой порождают безумие, отражает ни что иное, как более высокую степень тщеславия, которая вообще именуется надменностью или самодовольством (*pride, self-conceit, superbia*), или глубокий упадок духа (*dejection of mind*)» (Т.Hobbes, 1971/1651, гл. VIII, с. 70). Безумец не знает своих истинных желаний, соответственно, он не может быть рациональным.

1.2. Попытки разделения сфер применимости двух терминов

Другим способом разрешения конфликта между нормой и рациональностью являются попытки, которые имеют целью определить конкретное место двух терминов в анализе деятельности. Таким образом, Милль ставит в упрек Бентаму его попытку сведения всех человеческих действий к заинтересованным поступкам и пытается сформулировать свою версию моральных основ утилитаризма на основе «чувств и социальных симпатий, которые естественны для человека», чувства «общества в целом» и «коллективного интереса» (J.S.Mill, 1968/1863, стр. 93, 135). Но признание

³ Вебер пытается уйти от «рационализма», который утвердил бы преобладание рациональных мотивов или дал бы им позитивную оценку (M.Weber, 1971/1922, p. 16). Он предполагает, что рациональное или логическое объяснение должно быть преимущественным для социологии, так как им пользуется все научное сообщество, являясь *нормой* научного обоснования (M.Weber, 1949/1922, p.58). О дискуссиях по поводу данной точки зрения см. J.-C. Passeron, «Weber et Pareto...», тот же том, с. 97–106.

существования сферы, для описания которой более уместен противоположный термин, не всегда связано с намерением найти действительный компромисс между понятиями. «Разделение сфер влияния» приводит к появлению следующих иерархических конструкций.

Поступки, ориентированные посредством норм, удачно вписываются в таблицу человеческого поведения, но соответствуют иррациональным поступкам, которые вписываются в субстрат подлинно человеческого поведения. Йан Эльстер в своей работе выгодно отличается от других исследователей модели рационального выбора, когда он признает специфичность социальных норм. Исследуя многие из этих норм, он показывает, что они не способствуют производству Парето-оптимального равновесия и что они не сводятся к рациональному выбору (J.Elster, 1989, гл. 3).

Поступки как результат стратегического рационального расчета и заинтересованного контрактного обмена должны быть приняты к рассмотрению, но они предполагают наличие более фундаментального согласия об общих рамках анализа. Именно в этом направлении Мэри Дуглас пыталась продолжить традицию Дюркгейма, дополняя транзакционный подход к анализу социального поведения, в рамках которого акцентируется максимизация индивидуальной полезности, «подходом когнитивного типа, обсуждающим индивидуальную потребность в порядке, согласованности и контроле над неизвестным» (M.Douglas, 1989, с. 17).

1.3. Общая перспектива: координация действий

1.3.1. Упорядоченное действие

Вопреки симметричности, на наличие которой мы указали, рассматриваемые два понятия не кажутся пригодными для применения в рамках единой концепции. Термины социальных норм задуманы для того, чтобы охарактеризовать коллективные действия, рациональности – для анализа индивидуальных действий. Нам необходимо найти объект, который был бы общим для обеих исследовательских стратегий. Вот почему мы выберем для сравнения скорее модели координации действия, чем просто модели действия.

Разница сущностей на самом деле несколько ступеневывается, если каждую из моделей определить в более широком смысле, общем для всех социальных наук. Этот общий замысел вписывается в традицию политической философии и остается очевидным началом социологических и экономических дисциплин. Продолжая размышления о согласии или Общем Благе ценности в социуме, социальные науки отдают должное возможности порядка. Но они пытаются найти ответы, базирующиеся на выявлении законов, управляющих человеческими поступками, и варианты ответов различаются в зависимости от того, какую форму принимают эти законы: социального порядка или равновесия.

Для противопоставления сравниваемых замыслов нам необходимо поместить два понятия в более законченные конструкции: норму, вписывающуюся в социальный порядок, и рациональность, вписывающуюся в равновесие. Действие, согласованное с остальными, является общим объектом исследования для социальных наук. Действие действительно «коллективное» или «социальное» именуется «взаимодействием» или «транзакцией», дабы подчеркнуть, что оно вовлекает множество индивидов. Если развивать данный замысел, то термин «координация» не должен быть неправильно истолкованным и смешанным с общим планом действий; управлением, навязанным правилами; силой ограничений или привычек.

1.3.2. Параллель между интерпретативным и когнитивным исследовательскими направлениями

Два подхода к координации, которые соответствуют парам «норма – порядок» и «рациональность – равновесие» остаются антагонистическими по причине различной природы предложенных решений и их связи с различными традициями анализа. Однако они развивались в параллельных направлениях, которые характеризуются повышением внимания к когнитивным операциям, на основе которых осуществляется координация. Противопоставленные по линии «холизм – индивидуализм» модели социального порядка или экономического равновесия оказываются «по одну сторону баррикад» в отношении второго противопоставления, которое вырисовывается за данными эволюциями. С одной стороны, подходы, которые располагаются наиболее близко к естественным наукам, связаны с созданием «социальной физики» на основе законов экономического равновесия, порядка или социальной системы. С другой стороны, подходы, ставящие акцент на роли суждения в координации, интересуются ролью взаимных интерпретаций, ожиданий, общих оценок. Это второе противопоставление позволяет внедрить два новых способа подойти вплотную к проблеме координации, которые расходятся с моделями «норма – порядок» и «рациональность – равновесие», от которых мы оттолкнулись вначале. Данная смена акцентов раньше проявилась в социологии, в частности у Дюркгейма, когда он интересуется формами познания. Понимающая социология познания Вебера пытается охарактеризовать общий смысл, который находится в центре анализа интеракционистских и этнометодологических течений. В подходах к индивидуальному действию в терминах рационального выбора параллельное, но более позднее движение открыто проявилось в форме анализа асимметричной информации, позднее – ожиданий, касающихся не только предметного мира, но и поступков, стремлений других индивидов. Конвергенция «интерпретативного направления» (P.Rabinow & W.M.Sullivan, 1979) и более позднего «когнитивного направления» должна быть исследована с целью прояснения природы суждения и места, которое занимает в нем рациональность.

2. Социологические подходы к анализу координации: от социального порядка к ситуативному взаимодействию

2.1. От социальных законов к социальным нормам

Социологическая модель действия, определенного социальными нормами, не простое следствие традиции политической философии или философии морали. Ее эффективность связана с двумя подходами к рассмотрению социального порядка:

- а) посредством ссылки на принципы управления поведением, которые эффективно описываются в этой традиции;
- б) посредством выявления законов, выражающих регулярность в традициях естественных наук.

Поскольку эта связь между правилами и закономерностью отрицается в эпитетах «коллективный» или «социальный», которые лежат в основе социологического подхода к анализу порядка и координации, нам следует остановиться на ней более подробно. Возвращаясь к исходным попыткам социальных наук сблизить замысел политической философии и идею расширения естественных наук до наук об обществе, мы лучше понимаем место концепции социальной нормы.

- *Законы поведения, построенные по модели законов природы*

Экономическая и социологическая науки вовлечены в исследование законов социальной физики, которая продолжает замысел естественных наук. Идея изучать человеческое поведение подобно физику, химику или психологу (Durkheim, 1983/1895, р. XIV) уже была выражена Джоном Стюартом Миллем, который сравнивал науку о человеческой природе с учениями о климате или морских приливах и отливах. Развитие данного учения так и не достигло уровня науки о небесных светилах, но позволило выявить общие законы «однозначного единообразия», даже если для «применения всеобщих принципов к особым обстоятельствам» данных не хватало (Mill, 1988/1843).

Сравнение с достаточно приблизительными предсказательными способностями естественных наук – это не только признание скромности притязаний социальных. Оно помещает в центр социального анализа иерархическое отношение между предсказуемым поведением «основной массой» и непредсказуемыми последствиями второстепенных частных причин. Примененные к человеческому поведению данные двухуровневые конструкции образуют основу анализа коллективного поведения, которое развивается по законам даже тогда, когда поступки индивидов определяются частностями. «Для нужд политической и социальной науки достаточно знать», объясняет нам Милль, «как огромное большинство наций и типов личностей думает, чувствует и действует (...) Предположение, которое лишь вероятно в отношении взятых наугад отдельных индивидов, достоверно, когда оно касается характера и коллективного поведения масс» (id., р. 34). Аналогичным образом, для Дюркгейма и Мосса учение о человеческих поступках возможно, когда «их постоянство и закономерность, по крайней мере, соотносимы с получаемыми при изучении феноменов, которые, как и смертность, зависят, главным образом, от естественных причин», а социальное действие должно быть, прежде всего, охарактеризовано как «статистическое и исчисляемое» (Mauss, 1971, pp. 14, 46).

- *Нормальность и переход от законов к суждениям*

Закономерности становятся видимыми и подверженными манипуляциям (Hacking, 1990b) с помощью инструментов статистики, которые таким образом вносят важнейший вклад в развитие социальных наук (Desrosieres, 1985). Но данные инструменты равным образом прокладывают просеку между совокупностью терминов естественных и социальных наук, что особенно очевидно в случае понятий средней, нормального закона и нормы. Обобщение индивидуальных поступков при усреднении позволяет смоделировать существо, чье упорядоченное поведение будет следовать социальному закону. Данное обобщение находит продолжение в модели нормального типа, что предоставляет возможность задействовать суждение о ценности. Нормальность и норма связывают воедино программу естественных наук и предшествующую ей программу политической философии и философии морали.

Кетле – основоположник данного перехода, предшественник исследовательской программы Дюркгейма. Как Милль и Лаплас, на которых он ссылается в «Эссе о социальной физике» (Quetelet 1835), Кетле пытается применить метод естественных наук к политическим наукам и учениям о морали. Для того чтобы это сделать, он берет за точку отсчета средние величины и распределение ошибок по нормальному закону, который известен из астрономии. Преобразование понятия нормального закона в понятие порядка человеческих поступков приводит его к выведению из нормального распределения нормального существа, «среднего человека», одновременно реального и правильного, существование которого привносит постоянство в коллективы, народы, нации. Идеальный тип избавляется от индивидуальных прихотей, тем самым придавая большую значимость понятию общества: «чем больше число наблюдаемых индивидов,

тем больше сглаживаются различия в индивидуальных желаниях, тем больше доминируют общие случаи, которые напрямую зависят от причин, в силу которых общество живет и сохраняется» (Quetelet, 1835, p. 12). Таким образом, установлена связь между законами средних величин и политическим вопросом выражения всеобщего интереса, связь, которую выделил Дюркгейм (Durkheim, 1966) в своем прочтении работ Руссо (Thévenot, 1987, 1990a)⁴.

Если статистика предлагает проложить прочные мосты между естественными законами и законами политики, медицина тоже во многом способствует возможному переходу от закономерностей к социальным нормам и суждению. Кетле считает, что «нормальное состояние» – понятие, используемое в медицинских учениях для «оценки состояния индивида», – есть в сущности лишь состояние «среднего человека» (Quetelet, 1835, p. 267). Понятие «нормальный» позволяет перейти от закономерности к оценке, пересечь границу, проведенную между эмпирическими фактами и ценностями. Огюст Конт разработал понятие нормальности в медицинском контексте, взяв за точку отсчета закон разнообразия, посредством которого Бруссэ выделял отклонение нормального состояния в сторону аномального. Распространяя это понятие на политику для описания нормальности социальной сферы, он преобразует концепцию нормального состояния в концепцию совершенного, обоснованию которого должен способствовать позитивизм (Hacking, 1990a, chap. 19).

- *От нормы к ситуативной адаптации: интерпретативное направление*

Можно, не сворачивая, проследовать по только что выбранному маршруту, чтобы вывести теорию действия из теории социального поведения. От идеи закона, заимствованной в естественных науках, мы переходим к идее действия посредством понятия нормальности, которое позволяет переключить внимание с констатирования закономерностей на анализ принципов суждения, лежащего в основе действий. Понятие социальной нормы – ключ к данному переходу, наиболее простой способ для исследователя учесть закономерности, причем в терминах, соответствующих теории действия. Следуя этой дорогой, мы приходим к классической модели действия, управляемого нормами (или программы, определяющей его реализацию). Данная модель – своеобразный перенос понятия закона в терминологию действия. Этот перенос предполагает, что действие является результатом применения правила и что это

⁴ Связь между господством средних величин и созданием коллективных форм в работе Дюркгейма акцентируется недостаточно последовательно. В первом издании «Социального разделения труда» (1893) он предложил рассмотреть три понятия – «среднего», «нормального», и «социального» – под одним углом зрения, ссылаясь на метод естествоиспытателей: «Все, что мы должны – это в точности скопировать метод, которого придерживаются естествоиспытатели. Они говорят о биологическом феномене, который является нормальным для определенной среды, когда особи данной среды воспроизводятся в среднем, и когда наибольший выигрыш извлекают именно особи среднего типа. Патологическим же, напротив, является все то, что отличается от средней. (...) Моральный фактор так же нормален для определенного социального типа» (Durkheim, 1975, t. 2 p. 283). Данная мысль была продолжена во втором издании от 1902 г. и, как указал на это Дерозьер (Desrosieres, 1985), формулировка «Самоубийства» (1897) уже свидетельствует о пересмотре идеи эквивалентности среднего, морального и коллективного типа, навеянной работами Кэтле: «Фундаментальная ошибка – сопоставлять, что делалось столь много раз, коллективный тип, относящийся к обществу, и средний тип индивидов, которые составляют данное общество. «Средний» человек имеет очень сомнительные нравственные принципы. (...) Эта путаница, которую допустил Кэтле, делает из морали непонятную проблему» (Durkheim, 1930/1897, p. 359).

правило интериоризировано индивидами. Модель действия позволяет учесть упорядоченность индивидуальных действий, ибо они управляются теми же нормами. Именно отсюда характеристика этой модели как «социологической», причем основные ее составляющие присутствуют уже в работах Дюркгейма.

Однако модель действия, управляемого нормами, далека от того, чтобы полностью охватить всю совокупность социологических подходов к действию. Если принять в расчет согласование действий с ситуацией, к взаимодействию с другими индивидами, рассматриваемая модель координации не может быть оставлена без изменений. Необходимо объяснить разрыв между ссылками на ценности, нормы или коллективные представления и, с другой стороны, частными обстоятельствами действия и его развития, которые требуют поправок и согласований. Коллективные определения действия, которые исследователь приписал индивидам для того, чтобы объяснить существование порядка, не позволяют уловить этот разрыв и предполагаемые им согласования. Если мы хотим описать адаптацию к обстоятельствам, которая в сущности и характеризует процесс развертывания действия (и его отличие от начального решения), то нельзя напрямую переходить от интериоризированной нормы к порядку. Каким же образом можно объяснить несоответствие совокупности общих ссылок и особенностей ситуации, в которой совершается действие? Эта проблема, которая была обозначена как полностью решенная в классическом понятии благоразумия, находится теперь в центре анализа координации.

2.2. Напряжение между двумя полюсами: общим характером суждений и обстоятельствами действия

Вводя в рассмотрение элементы, предназначенные для того, чтобы охарактеризовать согласование индивида с частными обстоятельствами действия, мы отступаем от модели поведения, определенного социальными нормами. Эти дополнительные элементы различаются по способу описания согласования. Анализ согласования действия с объективным внешним миром требует ввести в рассмотрение понятие инструментальной рациональности. Если же уделять внимание согласованию поведения с другими индивидами, инструментальная рациональность теряет свое преимущество в пользу других понятий, учитывающих смысл или общие знания, мобилизуемые действием.

• Придание гибкости нормам посредством рациональности: суждение о средствах

Теория действия Макса Вебера несколько отходит от модели социальных практик, предложенной Дюркгеймом, из-за места, которое занимает в ней индивидуальная рациональность в дополнение к ссылке на ценности. Типы социальных действий различаются по сравнительной значимости ценностей и потребности в рациональности. Традиционное поведение, полностью обусловленное привычками (Weber 1971/1922, p. 22), противопоставляется инструментально-рациональному поведению, ориентированному на конечную цель. Последний тип поведения затрагивает рациональный выбор средств и целей, согласованных с интересом частного характера. Занимая промежуточную позицию, тип действия, рационально ориентированного по отношению к ценностям, предполагает соединение понятий ценности и рациональности, которое наложило отпечаток на все последующее развитие социологии. Выбор средств или даже цели рационален в рамках изучаемого типа, но ценности не могут быть избраны рационально. Подчинение данным ценностям удаляет нас от рассмотрения последствий действия, в то же время оно допускает обобщение, невозможное при отталкивании в рассуждениях от индивидуального интереса. Последнее ведет к противоречию (id., p. 28). Таким образом, Вебер в религиозных и

творческих актах разложил на составляющие ориентацию на ценность и средства, как, предположим, в случае молитвы или упражнения на музыкальном инструменте, выбор которых рационален по отношению к данной ценности. Раскрытие потенциала техники в сферах, далеких от экономики или промышленности (рациональная гармония, рациональный готический свод, рациональная перспектива, рационализация созерцания музыки, Weber, 1964/1904–1905, pp. 12–13, 23; 1971/1922, pp. 63–64), характеризует западную рациональную культуру и позволяет выстроить ход истории.

Толкот Парсонс соглашается с тезисом о взаимодействии между системой ценностей («the permanently valid idealistic precipitate») и инструментальной рациональностью («the permanently valid precipitate of the utilitarian theories») (Parsons 1968/1937). Но он отводит более важное место нормативным ограничениям, которые влияют на действие, что он кратко формулирует в виде «утилитаристской дилеммы». Либо выбор целей есть элемент, присущий действию, и он носит случайный характер в атомистской концепции рационального действия; либо выбор целей не является элементом действия, и оно сводится к механической адаптации к материальным условиям ситуации (id., p. 383). Гоббс смог бы решить утилитаристскую дилемму, лишь соглашаясь со значительно более всеобъемлющей концепцией рациональности, чем та, которая признается в его теории, так как в рамках последней индивиды – участники социального контакта дошли до «понимания ситуации в целом вместо преследования своих собственных целей» (id., p. 93). По Парсонсу, именно Дюркгейм предложил выход из дилеммы, благодаря его концепции интериоризации правил и их превращения в основу моральных обязательств (id., p. 383).

В работе Хабермаса вновь можно встретить «действие, регулируемое нормами», которое сочетает в себе рациональное обоснование средств и социальное обоснование норм (Habermas, 1987/1981 t. 1, p. 105). Однако Хабермаса не удовлетворило подобное сочетание: оно придает слишком большую значимость понятию инструментальной рациональности, которое приводит к стратегическим действиям в отношении к другим индивидам и которое блокирует критическую возможность демократического общения. Он ставит под вопрос типологию веберовского поведения (целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное, традиционное) ввиду роли, которую играет в ней понятие рациональности (id., p. 292). Хабермас предпринимает попытку заменить рациональность по Веберу понятием рациональности, выведенным из потребности в общении. Последнее позволяет преодолеть веберовское понятие, оно способно доминировать и регулировать различные типы действия. Таким образом, инструментальное действие, которое заключается в калькуляции оптимального выбора материальных средств, или стратегическое действие, которое распространяет данную калькуляцию на трактовку действий других индивидов в качестве средств, не позволяют удовлетворить потребность в межличностном понимании, присущую коммуникационной активности (id., p. 295). Выведенный из потребности в коммуникации смысл действия получает процедуральное определение. Оно охватывает нормативные направления, создавая предпосылки для критики и «согласия о нормах».

- *Согласование с другими индивидами: взаимодействие*

В веберовской традиции движущие силы порядка определены в нормативных терминах. Придание гибкости модели нормативного действия имеет место при добавлении к ней рационального выбора адаптированных средств. Именно согласование с окружающим миром вещей акцентируется в инструментальной спецификации рациональности. Хабермас вводит иной тип согласования, говоря о

ситуациях, когда индивид берет в расчет других людей в качестве именно индивидов, а не просто средств. Теории интеракционизма тоже развиваются в данном направлении.

Эти работы связаны с изменением парадигмы. Речь уже больше не идет об объяснении, как ориентация на нормы, которую исследователь приписал индивидам, может выражаться в поведении (и, следовательно, способствовать достижению порядка). Исследователь пытается учесть то, как сами индивиды согласовывают свои действия друг с другом. Индивид становится интерпретатором для понимания действий других и их предвосхищения. Подход к пониманию присутствует уже у Вебера, но только с появлением интеракционизма внимание переносится на операции взаимодействия, совершенные индивидами в различных ситуациях, и на динамику согласования. Абсолютная значимость правил или норм ставится под сомнение и акцент в анализе смещается в сторону интересов, которые заставляют людей (особенно профессионалов) приспособлять тактику и адекватные умения к ситуации (Hughes, 1971, Becker, 1991/1963) и достигать локального согласия между большим количеством целей (Strauss, 1979, 1992). Термины частных интересов и согласования, взятые из экономической модели, позволяют построить модель локально реализованного равновесия, наперекор концепции глобальных норм. Вопреки концепции общества как равновесной системы, выдвинутой Парсонсом, чикагская школа настаивает на изменении. Стабильность должна быть объяснена и не является изначально данной, а понятия «соглашения» и «мира» создают предпосылки для динамического анализа локальных порядков (Becker, 1988/1982, см. введение Р.-М. Менгера)⁵. От равновесия действия мы переходим к равновесию смысла или верований, когда важными становятся интерпретации и ожидания. Аналогичные изменения происходят и в экономической теории, с распространением заимствованного у Мертоня понятия самореализующегося верования (Merton 1968, pp. 475–490).

- *Интерпретация и ее основания*

Анализ интерпретации действий восходит к традициям герменевтики. Начиная с герменевтики Шлейермахера, замысел герменевтического подхода выходит за пределы толкования текстов и распространяется на понимание любого «странного» дискурса. Странность очерчивает границы непосредственного понимания и строящегося на его основе предположения. При ее появлении исключен обмен утверждениями предсказуемого и «механического» содержания. Возможным становится лишь дискурс, который претендует на реконструкцию оценок и намерений собеседника (Schleiermacher, 1987/1826, pp. 156–162). Отношение между пониманием в общем и улавливанием деталей лежит в основе герменевтического размышления, это два симметричных движения, дополняющие друг друга в замысле знаменитого герменевтического круга. Прямые и обратные связи между общими принципами и конкретным дискурсом заставляют нас интерпретировать, и здесь уместна аналогия с противоречием между общими рамками действия и собственно действием, противоречием, с которым мы сталкиваемся при решении задачи координации действий. «Охватывание сущности, целого» может базироваться в письменном дискурсе на общих ориентирах (предисловии и содержании) и на методах общего восприятия (листание) (id., p. 176). Рикер продолжает эту традицию, переходя от толкования текста к толкованию действия. Он настаивает на внимании к отпечаткам, документам, «памятникам», которые являются конституирующими элементами действия в той же мере, в какой

⁵ Как подчеркнул Менгер, концепция «мира» в интеракционизме Беккера лишь акцентирует организационные факторы и не совпадает с феноменологическим подходом «пережитых» миров.

слова – конституирующими элементами текста. Материальные предпосылки понимания действий, эти элементы обеспечивают понимание через объяснение (Ricoeur, 1986, pp. 166–175). Дилтей пытался выстроить на основе традиции герменевтики анатомию «учений о духе» (об обществе, морали и культуре). Уже для него характерно стремление обосновать понимание более сложными процедурами, чем прямая интуиция на основе симпатии. Процедуры, предложенные Дилтеем, заключаются не только в обобщении частных случаев, но и в привлечении совокупности норм, идеальных случаев и типов, которые приближаются к веберовским понятиям (Dilthey, 1988/1910, p. 136).

Понятие типа и когнитивные операции, которые оно подразумевает, занимают центральное место в работах Щюца и в социологических подходах, на которые они оказали влияние. Щюц руководствовался феноменологией для трансформации веберовского подхода к идеальному типу, из абстрактной конструкции исследователя в типологию, создаваемую самими индивидами с целью описания действий и надления их смыслом. Последний вариант типологизации является результатом преднамеренных действий, в которых в качестве обоснования используются сами собой разумеющиеся факты (taken for granted, Schutz 1972, p. 35) и доступный любому запас знаний. Далее, институты и роли, которые они распределяют, могут быть объяснены как результат взаимных типологизаций (Berger & Luckmann 1986, p. 81). Этнометодологи уделяют особое внимание процедурам, осуществленным с целью вычленения общего смысла (sens commun) из контекста ситуации и поэтому подверженным постоянному пересмотру (Garfinkel, 1984), и индивидам – толкователям, поддерживающим локальное равновесие общего смысла. Авторы данного подхода ставят под вопрос общие категории, такие, как категории структуры или нормы, отрицая их способность обеспечить устойчивость смысла, так как обстоятельства требуют непрерывной работы согласования с контекстом. Таким образом, они уменьшают внутреннее противоречие интерпретации, заостряя свое внимание на контекстуальности.

Теория практики Бурдьё порождает критическое сомнение по поводу объективизма, которое посредством внимания, исключительным образом направленного на систему, трансформирует практическое действие в «остатки, незамедлительно выбрасываемые на свалку». Центр анализа объективизма постепенно смещается от модели структуры или научного закона к модели правила и нормы, которым подчиняются «туземцы», в роли которых выступает любой исполнитель требований норм (Bourdieu 1972, pp. 169, 202). Критические нападки, особенно сформулированные Виттгенштейном, на идею применения правила принимают у Бурдьё форму оговорки «все происходит так, как если бы», необходимой для разграничения норм и принципов религиозной веры, с одной стороны, и принципов действий человека в обществе. В отличие от ранее цитированных течений, данная теория, однако, имеет целью интеграцию в практический анализ структурных рамок поступков. Эти рамки отражены в понятии привычки (habitus), которое позволяет объединить критику эксплицитного правила и ссылку на закономерности (id., p. 196). Интериоризация объективных структур отдаляет нас от программы изучения взаимодействия и взаимного согласования, которая находится в центре нашего внимания (id., p. 183).

- *Неприменимые правила?*

Если мы хотим увидеть в постоянно изменяющихся согласованиях между индивидами основу координации, взаимосвязь правил и практики интересует не только исследователя, моделирующего взаимодействие. Сам индивид должен понять действие других индивидов для того, чтобы отреагировать на них и согласовать свои действия.

Аргументы из «Исследований» Виттгенштейна (Wittgenstein, 1968/1953, п. 201–238) могут быть использованы для осознания невозможности смешивания понятий правила и действия, в котором оно применяется. Не ограничиваясь сомнениями по поводу абсолютного характера правил или всех форм обобщения, его аргументы заставляют нас быть более внимательными к противоречию между формами всеобщего. Это противоречие материализуется в соотношении суждения (которому соответствует понятие правила) и обстоятельств ситуации или действия. Интерпретация является не непосредственным пониманием смысла, а проблематичным выявлением зависимости между поведением, определенными обстоятельствами, и общими ориентирами, на основе которых становится возможным сближение и достижение эквивалентности. Операция сближения и обобщения (Thévenot, 1986) должна быть принята в расчет в моделях действия как предпосылка рационального расчета. Именно в этом смысле мы будем рассматривать привычный характер суждения (см. *infra*, п. 3), конечно учитывая ограниченность интерпретации. Правило не определяет действие, но обуславливает процедуры решения конфликтов между разными способами интерпретации (Livet, 1987, Livet et Thévenot, 1993).

Аргументы Виттгенштейна о невозможности частного использования языка или достижения частного соотношения между действием и правилом, требуют локализовать сферу применимости суждений «сообществом их пользователей». Вопреки разнице, на которую обратил внимание Крипке, между данным решением проблемы и коммунаритаристской теорией истины (Kripke, 1982, p. 111), именно подобный подход позволяет сблизить социологию познания Виттгенштейна и теорию познания Дюркгейма (Bloor, 1983).

- *Знания, существующие в рамках социальных групп*

В работе Гадамера можно также найти обоснование истины в указании на общность пережитого опыта, которое так же противопоставляется принципу объективности и традиционному методу, как предубеждение – суждению (Gadamer, 1976/1962, p. 115). Ссылка на общность пережитого в качестве условия взаимопонимания приводит Гадамера к критике стремления Дилтея облачить герменевтику в устойчивые формы, в которой Гадамер видит пережиток картезианизма (Gadamer, 1979/1963, p. 124). Аналогичным образом Кун связывает форму знания с характеристиками общества, в котором оно существует, хотя он и отказывается видеть в основе своего подхода континентальную герменевтическую традицию (Kuhn, 1977, p. XV).

Мосс и Дюркгейм пытались применить термин общего знания к понятию социальной группы, взяв религиозные верования за прототип общих знаний. В наброске теории магии Мосс рассматривает представления и магические действия как формы суждения, которые позволяют изучить происхождение категорий и коллективных мыслей (Mauss, 1950/1902–1903, p. 115). В продолжение совместной со своим зятем работы об обусловленности логических категорий социальными связями (Durkheim et Mauss, 1971/1903, p. 224) Дюркгейм объясняет элементарные формы религиозной жизни (Durkheim, 1960), социальное происхождение фундаментальных категорий мысли и разнообразие когнитивных направлений, закладывая тем самым основы программы социологии знания (Merton, 1968, p. 543). Исследовательская программа Дюркгейма в первую очередь ориентирована на анализ религии и священного, но его замысел более амбициозен и имеет целью проложить альтернативу априоризму Канта (Durkheim, 1960/1912, p. 27). Однако, как отмечает Мэри Дуглас, наблюдения первобытных людей и их религии вряд ли могут быть полезными для понимания научной веры современного общества (Douglas, 1989/1986, p. 34). Другие исследователи решили

проблему перехода вероисповеданий в научные теории с помощью понятия социальной репрезентативности. В этом и заключается программа социологии Блора, который упрекнул Дюркгейма в том, что тот не распространил анализ религии на науку (Bloor, 1983, p. 83). Блор обнаружил у Виттгенштейна более всеобъемлющий подход, чем у Дюркгейма, к решению задачи «социологизации философии» (id, p. 3).

- *От общих верований к формам вероятного*

Привязка общих верований к религиозной общине связана с риском возникновения серьезных ограничений в анализе суждений и действия и, следовательно, координации действий. Операция суждения сводится к коллективному верованию и объясняется ссылкой на религиозное согласие, чей современный смысл не подвергается проверке реальностью. Таким образом, верование исключает испытание действием, которое в свою очередь сводится к ритуалу, а сам ритуал отражает верование, а не подвергает его испытанию. Соединение понятия верования с принадлежностью к социальной группе, которое способствует обоснованию каждого из двух терминов, перестает действовать в рамках слишком очевидного логического круга, возникающего при переходе от верований к техническим и научным знаниям: каким образом соотносит знание исследователя с его принадлежностью группе? Охотно соглашаясь с отождествлением веры и социальной группы в анализе примитивных религий, мы тем не менее сталкиваемся с возникновением серьезных проблем при попытке применить этот же подход к анализу технических или научных знаний и навыков, связанных с проверкой реальностью.

Обычно стараются избегать подобного риска, переключая внимание, главным образом, на процедуры доказательства и проверки, а не на заданные извне верования, закрепленные за группами. Эти процедуры предполагают, как и правила (B. Reynaud, 1992), наличие общей границы в диспутах, а не общих детерминантов действий. Начиная с процедуры соотнесения суждения с опытом, мы вновь встречаем в форме появления вероятности противоречие между общими формами суждения и частными обстоятельствами, с которыми мы сталкивались при обсуждении интерпретации действий. Данное направление анализа может привести к идее плюрализма. Но это не будет ни релятивизмом верований, разделяемых общинами, ни двойственным решением Вебера, который соединил универсальность инструментальной рациональности, выражающейся в выборе средств, с политеизмом ценностей, выбор которых есть дело веры. Множественность стилей рассуждения (Hacking, 1982) или миров, на которых основываются для применения индукции (Goodman, 1978), предполагает существование разнообразных проверок, связывающих плюрализм форм познания и реалистическую потребность в согласовании познаний с опытом.

Таким образом, мы столкнулись с двумя симметричными движениями: одно затрагивает теорию действия, другое – теорию познания. Изучение координации во взаимодействии приводит к исследованию форм общего знания, необходимых для согласования, и объективности ориентиров. Исследование формирования знаний, особенно научных, симметричным образом вынуждает нас не ограничиваться анализом языка описания, являющимся предметом логического позитивизма, а учитывать навыки ученых, их деятельность и специфические условия достижения согласия о модальностях проверки⁶.

⁶ Данное обоснование объективности в процедуре проверки действием можно встретить и в прагматизме Пирса (Peirce 1984/1868). Подход к науке как к «само собой разумеющемуся факту» характеризует социологическое направление учений, которое отличается от ранее

3. Экономический подход к координации: от общего равновесия к стратегическому взаимодействию

Теперь обратим наше внимание на различные модели действия, связанные с развитием экономической науки, в которых понятие рациональности занимает центральное место. Следуя ранее выбранной перспективе, мы рассмотрим способы упорядочения и координации индивидуальных действий. Мы уже видели на примере модели социального действия трансформации, которую она претерпела при переходе от детерминизма норм к взаимодействию, предполагающему согласование. Интерпретация индивидом неопределенного контекста распространяется на поведение лиц, с которыми происходит взаимодействие. Сейчас мы изучим похожий пример, который касается интеграции экономических действий. Но для объяснения стратегических взаимодействий модель общего равновесия, соединяющую оптимизационную рациональность и форму конкурентной координации, необходимо видоизменить.

3.1. Рациональный выбор, интегрированный в порядок

- *Рациональный выбор и социальное действие*

Часто основные идеи экономической модели действия противопоставляют социологической модели, в которой действие подчинено правилу, норме или традиции. В работе «Цемент общества» Йан Эльстер отказывается от замысла сведения норм к индивидуальной рациональности (Elster, 1986, p. 14), противопоставляя две модели. Он характеризует рациональное действие *homo economicus* посредством ориентации на будущее, беспокойства о последствиях действия и способности адаптироваться к обстоятельствам, чего не хватает в поступках *homo sociologicus* (Elster, 1989, chap. III). Рациональный выбор предполагает два последовательных действия: выбор совокупности действий, принимая во внимание объективные ограничения, и выбор индивидом действия из данной совокупности. Социология имеет тенденцию акцентировать роль традиционных норм в выборе возможного действия или заостряет особое внимание на первом этапе отбора, демонстрируя при этом объективные пределы и структуры, ограничивающие субъективный выбор (Elster, 1979, pp. 113–114, 137–139; Elster, 1987, pp. 7, 11). Можно было бы упрекнуть данный подход в создании полностью детерминированных в своих действиях фиктивных индивидов (Van Parijs, 1990, p. 58) и еще в игнорировании теорий, с помощью которых социологи трактуют суждение о действии и о взаимодействии. Так же, как мы пытались проанализировать социологические теории, мы постараемся взглянуть на развитие экономической модели с точки зрения объяснения порядка и координации.

Авторы, отстаивающие преимущество экономической модели рационального действия, тем не менее имеют разногласия по поводу ее способности охватить разнообразие модальностей действия. Эльстер не думает, что расширение модели рационального выбора позволяет понять действия, упорядоченные социальными нормами, которые, по его мнению, обладают особенностями (императив, санкция, эмоция как ответная реакция на насилие) и часто приводят к случаям неоптимального равновесия (Elster, 1989). Будон доверяет больше способности экономической модели сократить указанное

упомянутых идей Блора. Он позволяет избежать возникновения порочного круга между социальными группами и знаниями, которые им присущи (Latour, 1989, Callon et Latour, 1991).

еще Вебером расстояние между ориентацией на ценности и рациональным выбором средств, способности охватить действия, классически рассматриваемые и как рациональные, и как иррациональные, управляемые привычками, ценностями, обрядами (Boudon, 1977, 1979). Для того чтобы произвести данную редукцию, ему, однако, пришлось расширить понятие рациональности, включив в нее влияние, оказываемое взаимодействием на индивидуальное поведение (откуда значение термина «интеракционизм»), и создать адекватные блага (власть, престиж) по модели рыночных благ.

Позднее Ван Парийс подверг сомнению структурирующую роль экономической модели в эпистемологии социальных наук. Он аргументировал это с помощью строгой спецификации шести ограничений «методологического экономизма», делающих модель нереальной и критикуемой самими же экономистами (Van Parijs, 1990). В числе упомянутых шести ограничений: классические спецификации рациональности эгоистической (исключающей альтруистские предпочтения), материалистской (исключающей престиж), совершенной (исключающей ограниченную рациональность), объективной (исключающей недостоверную информацию), а также два других вида, чья роль особенно заметно проявилась с развитием литературы недавнего времени о стратегическом взаимодействии и множественности видов координации. Экономическая рациональность является в сущности рациональностью «Архимеда», так как она допускает сведение всего многообразия предпочтений к одномерной функции полезности. Например, индивид согласен пожертвовать почтенностью ради денежной выгоды. Однако в то же время подобное смешение приводит к возникновению чувства несправедливости и критики различных мотивов действий, что особенно очевидно в анализе множественности критериев справедливости (Walzer, 1983) и множественности порядков значимого (Boltanski et Thévenot, 1991). Наконец, экономическая рациональность является параметрической, в том смысле, что она предполагает, что окружающий мир задан извне, и исключает принятие индивидом в расчет окружающего мира других действующих лиц.

- *Пара: рациональность – конкурентная координация*

Различные направления развития экономической модели рационального действия имеют тенденцию противопоставлять рациональность и интеграцию, осуществляемую рынком. Нам бы хотелось, наоборот, сделать акцент на соответствии модели индивидуального действия и конкурентной координации, на соответствии, которое порождает трудности, встречаемые в процессе исследования, когда ценовая конкуренция рассматривается *наряду* с другими видами координации.

В рассматриваемой перспективе мы попытаемся связать различные модели действий с моделями интеграции, в которые они вписываются. Понятно, что перед тем, как стать основой модели всеобщего равновесия, успех экономической модели действия во многом был связан с императивом политического порядка. В данном случае можно обнаружить поразительную схожесть между программами экономики и социологии, свидетельствующую о наличии связи между этими двумя научными дисциплинами и предшествующей им традиции политической философии, изучающей возможность для поиска согласия об общем благе (Boltanski et Thévenot, 1991). Успех политической экономики обусловлен оригинальностью модели действия, которую она создала и в которой обойдены всякие упоминания норм как предпосылки достижения согласия. Альберт Хиршман замечательно описал хронику этого развития и постепенного созидания порядка, основанного на пристрастиях и личных интересах, освобожденных и от моральных добродетелей, и от иерархических ограничений (Hirschman, 1981/1977).

Замысел политической философии, посвященный анализу условий согласия в социуме, изменился в связи с появлением социальных наук, нацеленных на исследования законов, порождающих порядок или равновесие в обществе. В этом отношении вышеупомянутые модели «норма – порядок» и «рациональность – равновесие» похожи и обе отражают попытку построения социальной физики. В программе социальных наук теория индивидуального действия менее важна, нежели эффекты агрегирования и композиции, которые социальные науки моделируют с помощью анализа непреднамеренных эффектов действия (Boudon, 1977; Elster, chap. 1). Коулмэн, который способствовал развитию модели рационального выбора в социологии (Coleman, 1986), оправдывает незамысловатость модели индивидуального действия тем, что следует, прежде всего, изучать композицию и эволюцию системы в целом. Отсюда закономерная критика таких авторов, как Эльстер, которые тем не менее используют экономическую модель действия, будучи слишком озабоченными ее совершенствованием (Swedberg, 1990). В самой же экономической теории долгое время не поднимался вопрос о спецификации элементарной модели действия – все внимание было нацелено на эффекты композиции, позволяющие развить формальный аппарат анализа.

Итак, можно ли без ущерба отделить оптимизационную рациональность от другой составной части равновесия, координации посредством рынка совершенной конкуренции? Утвердительный ответ лежит в основе программы Фон Мизеса и разработки им общей теории человеческого действия с помощью экономической модели (Von Mises 1963/1949). Он различает «праксеологию», или науку о рациональном человеческом выборе, который должен распространяться на выбор ценностей, и «каталлактику», или науку о координации поведения с помощью обмена (id., pp. 3, 15, 21). Напротив, отрицательный ответ показывает, что простота и эффективность оптимизационной рациональности соответствуют совокупности гипотез, специфицирующих природу действия и конкурентной координации⁷. В этой последней перспективе нужно быть внимательными со всем, что связывает оптимизационную рациональность с достижением упорядоченности во взаимодействиях. Эта перспектива отдаляет нас от идеи, по которой рациональность является стержнем модели индивидуального действия, свободного от любых связей с особым видом координации, конкурентным.

3.2. Несоответствие между общим знанием и частной информацией

Предыдущий вопрос заставляет нас рассмотреть недавно возникшие направления экономической теории и связанные с ними изменения в способе описания рациональности экономических агентов в перспективе неконкурентной координации.

• Когнитивное направление и пределы понятия информации

Как и в случае социологических моделей нормального действия, сначала рассмотрим простейшие варианты развития исходной экономической модели. Прямолинейное развитие модели заключается в сохранении структуры, несмотря на происходящие в модели изменения. Гибкость, обеспечиваемая понятием издержек, позволяет преобразовать любую новую проблему в понятие дополнительных издержек. Сначала именно в этих терминах были определены границы познания индивида об окружающем

⁷ Фон Мизес преодолевает данное затруднение, включая в способ координации определение действия: «действие – это попытка заменить менее удовлетворенное состояние более удовлетворенным. Назовем эту добровольную модификацию обменом» (Von Mises, 1963, p. 97).

мире и особенно о ценах и благах. Тот факт, что набор вариантов, являющихся предметом выбора, не может быть заранее задан и что альтернативы не могут быть точно определены вообще, был отражен в понятии добавочных издержек, информационных издержек (Stigler, 1961).

В экономике именно Саймон изменил прямолинейную траекторию развития модели, направляя свой анализ на когнитивные операции по идентификации и выбору надлежащих элементов действия (Simon, 1978). Это привело к намного более основательным изменениям теоретических основ, чем просто введение нового вида издержек, так как данные изменения касаются самого понятия рациональности. Филипп Монжин исходит из невозможности сведения этих модификаций к расширенному толкованию классического обоснования оптимизационной рациональности. Он утверждает, что вопреки точкам зрения Фон Мизеса, Беккера или Харсани (1976), необходимо использовать более всеобъемлющую модель, нежели модель, комбинирующую ограничения и предпочтения. Такая модель необходима для того, чтобы описать ситуации, когда совокупность вариантов не является заданной для экономического агента, и для того, чтобы анализировать процедуры мышления (Mongin 1984). Наше внимание к модальности суждения, выносимого индивидами, объясняется той же установкой.

Унифицирующее понятие информации способно обеспечить анализ разнообразных проблем, возникающих по мере удаления от координации посредством чистой и совершенной конкуренции. С формулировки гипотезы о совершенной информации начинается движение, побуждающее исследователя заинтересоваться в том, что индивид знает и как он превосходит действия других. Именно на этом этапе исследовательская программа включает проблему интерпретации, которая является центральной для герменевтики, но игнорировалась ранее экономической теорией. Саймон озабочен проблемой построения индивидом рамок осуществления выбора и его избирательным вниманием к различным элементам ситуации, отраженном в суждениях (Simon, 1981/1962, pp. 206–207). Данная избирательность связана с потребностью в уместности и связности действий, эти требования трудно описать с помощью понятия информации, играющей роль всеобщего эквивалента. Понятие информации стирает различия в формах знаний, необходимых для интерпретации и вынесения суждений.

- *Разъяснение экономических теорий действия и суждения*

Недавно возникшие направления в экономической теории позволяют лучше обрисовать концепции, посредством которых экономисты изучают действие (Kramarz 1991), и выявить элементы модели конкурентной координации, которой прежде не уделяли должного внимания, исходя из «естественного» характера рыночной экономики. Можно показать, что наиболее простое экономическое понятие рациональности, которое берет за основу реалистичное исследование способов удовлетворения желания, строится на основе трех следующих гипотез: об общей идентификации индивидами мира окружающих объектов; об использовании ими общей формы оценки данных объектов; и о специфичной модальности взаимодействия или трансакции, позволяющей производить согласование (Thévenot, 1989). Данные гипотезы выявляют пределы модели, которые появляются особенно четко ввиду того, что они отражают усилия универсализировать экономическое понятие рациональности.

Готовясь к дискуссии в четвертой части статьи, мы попытаемся меньше критиковать конкурентную модель, чем стремиться выяснить прагматичные условия, при которых координация по рыночному принципу может действовать. Разъяснение модели взаимодействия с другими индивидами, осуществляемого посредством конкуренции,

позволяет сделать первые наброски процедуры согласования действий, происходящего на основе общих оценок. За анализом данной процедуры, осуществляемой по рыночному принципу (спецификация взаимодействия как обмена, общая оценка на основе цен, рыночные объекты), мы увидим появление характеристик более общей процедуры, которая применима и в нерыночных взаимодействиях.

- *Общий мир объектов и общая форма оценки*

Препятствия на пути к рыночному равновесию, ситуации асимметричной информации, в которых сталкивающиеся экономические агенты по-разному оценивают качество обмениваемого блага, выявляют (через ее отсутствие) первую характеристику координации по рыночному принципу и основанного на ней порядка. Индивиды опираются в своих действиях на общее для всех понимание окружающего мира (Bennetti et Cartelier, 1980, Stiglitz, 1987). В координации по рыночному принципу окружающий мир сводится к благам, по поводу которых совершается обмен. Номенклатура благ составляет общий мир объектов, предоставляющих возможность кратко и объективно описать ситуацию взаимодействия. Склонный к восприятию рыночных благ в качестве единственно возможных экономист констатирует наличие разрушительных эффектов в отношении рыночного равновесия, сопровождающих сомнения по поводу качества благ. Таким образом, выявляется решающая роль в данной модели согласования, договора индивидов о спецификации объектов, образующих окружающую среду. Это предвещает вторую потребность, в общей форме оценки, в данном случае – ценовой, по поводу которой так много сказано в экономической литературе.

Пример рынка подержанных товаров, послуживший для Акерлофа иллюстрацией пертурбационных эффектов асимметричности информации (Akerlof, 1970), может быть использован для развития предыдущих замечаний. Необходимо показать роль общей идентификации благ и неизбежность возникновения проблем, обусловленных возможностью существования множества форм оценок (Thévenot, 1986; Eymard – Duverney, 1986, 1989; Orléan, 1986, 1991). На рынке подержанных товаров согласование действий не может больше осуществляться на основе общей ценности, цены, так как цена воспринимается в качестве признака сомнительной идентичности продукта. Можно продолжить разбор приведенного примера, полагая, что две формы оценки, каждая из которых допускает наличие особой формы координации, конфликтуют между собой, и что каждая форма основывается на разных по своей природе объектах. Координация по принципу конкуренции и цен базируется на рыночных объектах и вступает в конфликт с координацией по традиционному принципу, которая осуществляется посредством механизма репутации. Объективная поддержка последнего типа координации осуществляется за счет персонифицированных объектов.

- *Стратегическая неопределенность касательно поведения других индивидов оказывает воздействие на рациональность*

Невозможность найти общий окружающий мир объектов, отсутствие общей формы оценки влекут за собой неопределенность относительно поведения других. Этой неопределенности нет места в ситуации общего равновесия рынка и рыночной координации в чистой форме. Объективное отношение исчезает, и внимание индивидов перемещается с рыночных объектов, которые вместе с ценой являются единственными надлежащими элементами ситуации в координации рыночного типа, к намерениям других индивидов. Драматическое следствие проникновения в рыночную модель ожиданий, число равновесий увеличивается. Равновесие ожиданий может даже лежать в основе особого типа взаимодействий, опирающихся на конвергенцию ожиданий

(самореализующиеся ожидания) в рамках социальной общности, как и в некоторых социологических подходах к познанию, упомянутых в предыдущей части.

Оптимизационная рациональность не располагает больше данными, которые служили бы параметрами при подсчетах полезности. Здесь можно увидеть взаимообусловленность спецификаций оптимизационной рациональности (ее «параметрический» характер: cf. supra п. 3.1) и соглашения индивидов об общих благах, которые лежат в основе координации по рыночному принципу (Thévenot, 1989). В отсутствие объективного окружающего мира индивид должен включить в свое суждение о ситуации намерения других индивидов. Понятие рациональности дополняется гипотезой об общем знании. Этот поворот в исследовательской программе, аналогичный наблюдаемому в социологии, связан с тем, что анализ суждений, которые выносят индивиды о ситуации и действиях других, занимает центральное место. Революционное изменение приводит к появлению совершенно нового аппарата моделирования, позволяющего формализовать действия индивидов-интерпретаторов. От физики равновесия мы переходим к формализму теории игр, в которой расчет каждого из игроков строится на предвидении возможных решений других индивидов.

- *Соглашения, общее знание и ориентиры суждения*

Провал «естественной» конкурентной координации заставляет экономистов заинтересоваться видами координации, в которых существует угроза оппортунизма, которая может привести к потере всех выигрышей от кооперации.

Модель соглашения, предложенная Дэвидом Льюисом (Lewis, 1969), эксплицитным образом объясняет данные виды координации. Введенная в экономику для возрождения институционализма и объяснения эволюции «социальных институтов» с помощью теории игр (Schotter 1981, pp. 9–11, 78), эта модель использовалась в философии для продолжения размышлений Юма о неявных соглашениях. Неявные соглашения напрямую определяют конфигурацию действий другими индивидами, иллюстрированную примером с гребцами. В этом примере наличие общего интереса влечет за собой достижение соглашения, которое делает возможной общую координацию действий без эксплицитного контракта и принуждения. Понятие соглашения способствует тому, чтобы не прибегать к противопоставлению контракта и принуждения, а также помогает объяснить заключение контрактов *ex post* (Favereau 1989, p. 287). Льюис сам поставил вышеупомянутую концепцию соглашения в рамки теории контракта, что вызвало бурные дискуссии в более поздней экономической литературе. Для того чтобы применить понятие контракта к координации действий гребцов, необходимо было бы обладать инструментами измерения. Даже если бы они были найдены, сомнительно, чтобы гребцы легко приноровились к этим измерениям (id., p. 64). В контексте согласования с окружающим миром (который состоит из других индивидов), как и в примере с гребцами, ориентиры координации не являются ни эксплицитными, ни общественными. Модель соглашения Льюиса вводит понятие общего знания, которое позволяет сохранить возможность рационального подсчета в стратегическом взаимодействии, где суждения не могут больше соотноситься с окружающим миром и согласовываться с ценностями объектов, – они пересекаются в оценке взаимных намерений. Концептуализация общего знания, как совокупности взаимно пересекающихся знаний, задумана для объяснения общих представлений, отталкиваясь от исключительно индивидуальных. Однако вышесказанное связано с проблемой дополнительной когнитивной нагрузки на индивида. Кроме того, концепция

общего знания очень восприимчива к различного рода сомнениям, даже на самых высоких уровнях пересекающихся понятий (Dupuy, 1989).

Размышления Льюиса подсказывают иной вариант решения, которое оставляет в стороне когнитивный подход и снова возвращает к вопросу об ориентирах суждения. Этот путь связан с идеей фокальной точки, предложенной Шеллингом для описания равновесий в координации (Schelling, 1978). Понятие фокальной точки связано с ориентирами, которые можно было бы брать за точку отчета в суждениях при неопределенности способа координации и формы общей оценки. Фокальная точка подчеркивает роль объектов в координации и, кроме того, ставит объект в зависимость от прецедента, уже совершенного действия. По вопросу о прецеденте, Льюис подчеркнул затруднение, связанное с достижением эквивалентности ситуации с предшествующей ей. Может существовать, подчеркивает он, множество способов изучения прецедентов, множество вариантов аналогии, которые вступают в конфликт друг с другом (Lewis, 1969, p. 38). Участники взаимодействия вовсе не обязательно используют те же подходы, те же «стандарты индукции» (id. p. 53). Наше решение скорее подразумевало бы связь фокальной точки и, более обобщенно, объекта, служащего ориентиром, с определенным стандартом индукции. Следовательно, нужно быть внимательными к внутренней непротиворечивости суждения. Соглашение об объекте произойдет на основе оценки, которая является более обобщенным понятием, нежели объект.

- *По ту сторону стратегии, плана и решения: развертывание действия*

Преыдушие рассуждения о «фокальных точках» выявляют предел моделирования действия с помощью теории игр. Эта теория обогащает экономический анализ, вводя индивида, обращающего внимание на то, как действуют другие индивиды. Однако она исходит из сплетения воедино понятий действия, решения и осуществляющегося плана. Вопреки месту, которое отводится ожиданиям относительно действий других индивидов, их действия предполагаются полностью определенными и идентифицированными. Выбор осуществляется не в пространстве благ, а в пространстве стратегий; однако, это в любом случае выбор. Пределы интерпретации, отклонение замыслов от реализованного, плана – от действия в контексте не рассматриваются. Развертывание действия предполагается тождественным стратегии, как если бы его совершение происходило по правилу. В рамках теории игр нам не удастся полностью охватить появление новых ориентиров, новых коллективных знаний (Favereau, 1989), по причине сведения действия к решению, суждения индивида – к расчету в пространстве стратегий.

4. Различные способы согласования действий

4.1. Формы суждения, зависящие от возможностей согласования

Следуя подходам к координации в различных традициях естественных наук, мы отметили их постепенное сближение: исследователь осознал необходимость введения в свою модель способа, с помощью которого индивид оценивает действия других с целью упорядочить свое собственное действие. Таким образом, мы можем объединить «интерпретативное направление», которое дало толчок в развитии теории действия в философии, антропологии и социологии (Rabinow et Sullivan, 1979, Geertz, 1986), и значительно более молодое «когнитивное направление», которое изменило точку зрения экономической науки на анализ действия. Операция интерпретации может рассматриваться в различных терминах, в зависимости от которых в ней видят исследование смысла или формирование ожиданий. Но при всех различиях анализ интерпретации приводит к схожим вопросам об ориентирах, их конкретном содержании и границах. Мы предпочитаем говорить о «суждении», чтобы отличить

данную операцию, не наполняя ее конкретным смысловым содержанием (в отличие от термина «интерпретация»), и поместить на передний план процедуры доказательства. Форма суждения напрямую зависит от модальностей согласования действия с окружающим миром, который может заключать в себе других индивидов. Понятия общего знания, соглашения, фокальной точки, предмета, ориентира, равно как и понятия нормы и рациональности, нашли свое место в анализе форм суждения и согласования⁸.

- *Реализм индивида в его суждении*

Внимание, уделенное суждению, которое формирует индивид по поводу ситуации и действий других индивидов, изменяет взгляд на противопоставление нормы и рациональности. Классически ссылка на рациональность представлена как свидетельство взятия в расчет реализма индивидов в теории действия, их способности согласовывать свои действия с объективными ограничениями реальности. Противопоставим ее идеализму (или глупости: Garfinkel, 1984, p. 68), присущему экономическим агентам, которые, ослепленные ценностями или поиском идеалов, остаются нечувствительными в управлении своим поведением к изменениям реальности. Но если эта реальность сводится к объективной окружающей среде готовых средств, между которыми приходится делать выбор, если она включает в себя действия других индивидов и их ожидания, реализм суждения больше не может быть правильно оценен с помощью понятия инструментальной рациональности. Тем не менее мы не отказываемся от понятия расчетной рациональности, которое хорошо подходит к внешним ограничениям. При определенных ситуациях каждый контрагент способен свести взаимодействие к принятию в расчет одной и той же предметной окружающей среды.

- *Эпистемологическое противопоставление различных способов согласования*

Пространство теоретических понятий, от которых мы оттолкнулись в своих рассуждениях, проясняется, если его соотнести с пространством способов того, как индивид оценивает внешнюю среду своего действия⁹. Не отстаивая одно понятие в ущерб другому, мы попытаемся познать область их применения в зависимости от различных прагматических очертаний и возможностей согласования, которые они предлагают. Этот подход, разумеется, приводит к познанию пределов применения рассматриваемых моделей действия, но он в то же время подчеркивает их соответствие с простыми модальностями суждения, которые варьируют в зависимости от конфигураций действия с другими. Таким образом, понятие намерения оказывается совершенно уместным в конфигурации, где недостаточно соглашения и где индивид пытается разгадать замысел другого индивида. В противоположность этому, координация действий на основе общего суждения предполагает прекращение догадок и сомнений с помощью использования общих подходов к оценке и идентифицированных на этой основе предметов¹⁰. Следовательно, мы попытаемся

⁸ О некоторых совпадениях по поводу этих вопросов в различных направлениях естественных наук см. номер «Critique» под редакцией V. Descombes (№ 529–530, июнь – июль 1991).

⁹ Заметим, что Фереджон и Сатц предлагают рассматривать данные объяснения на основе рациональности выбора самих индивидов, а те, в которых ссылаются на социальные ограничения, они предлагают рассматривать лишь как варианты интерпретации, предлагаемые исследователями (Ferejhon et Satz, 1993).

¹⁰ Еще более радикальное решение заключается в переходе к режиму «agare», который удаляет нас от решения проблемы трактовки справедливости (Boltanski, 1990).

различить способы согласования действия, показывая, что они соответствуют различным конфигурациям. Данные конфигурации отличаются по трем главным аспектам отношения индивида к окружающей среде.

Первый аспект касается коллективного распространения действия, необходимости учета других индивидов при оценке успеха или неудачи действия. Если индивид может оценивать, ограничиваясь лишь своим собственным действием, он и будет это делать, рассматривая окружающую среду в качестве объективно данной и включая в эту объективную среду своих контрагентов. Таким образом, понятия интереса и рационального расчета являются адекватными данной ситуации. Но когда действия большинства индивидов взаимозависимы (что описывается экономическими понятиями экстерналии и общественного блага), успех одного зависит от того, что делают остальные, оценка должна будет распространиться и на других индивидов. Распространение может предполагать включение в сферу оценки и непосредственных контрагентов, и целых сообществ, являющихся основой формирования суждений. Общее благо больше не раскладывается на сумму частных независимых интересов.

Второй аспект касается возможностей, которыми располагает индивид для интерпретации внешнего мира, и особенно для оценки действий других индивидов как условия успешного осуществления его собственного действия. Эти возможности различаются в зависимости от степени привычности внешней среды для индивида. Предыдущий опыт действия способствует идентификации и последующей корректировке ориентиров действия, обходясь без их обобщения. Подобные источники суждения соотносятся с идеей понимания. В противоположность этому, оценка индивидом неизвестной окружающей среды предполагает менее многочисленные и более общие ориентиры, подходящие для соответствующей трактовки.

Третий аспект связан с возможностями обоюдного согласования. Индивид может полагаться только на себя самого в согласовании действия с окружающей средой или ждать, пока другие индивиды предложат свои варианты согласования. Таким образом, процедуры корректировки должны укладываться в некие общие рамки.

- *Объективная позиция и инструментальная рациональность*

При помощи трех предыдущих тезисов мы можем охарактеризовать способ согласования действия, которое наиболее близко соотносится с моделью рационального выбора. Индивид должен совершенно дистанцироваться от окружающей среды, в отношении которой он формирует ожидания и осуществляет расчет последствий действий. Это позволяет ему осуществить действие согласно принятому решению, а его реализацию – согласно плану. Следовательно, адекватная интерпретативная позиция – это объективная позиция исследования законов эволюции окружающего мира. В этом смысле совпадают позиция исследователя, открывающего законы развития системы, и позиция индивида, который пытается понять окружающий мир с помощью акцента на его упорядоченности. Однако рассматриваемая позиция не только когнитивная, на что указывает важная роль в ней процедуры рассуждения. Она непрерывно связана с изменением окружающего мира, с созданием форм (инвестициями в форму, *investissements de forme*), которые позволяют индивиду, принимающему решение, взять за точку отсчета закон, закономерности, меры (Thévenot, 1984, 1986). Материальные и технические ограничения, системы, массы, потоки, экономические и социальные структуры будут способствовать созданию картины окружающей среды. Вышесказанное относится и к склонностям, предрасположенности и характерам, с помощью которых можно более точно оценить индивидов, придавая им черты типичности. Данные формы одинаково хорошо

способствуют и созданию социальной физики для исследователя или управляющего, и обычному познанию окружающей среды в процессе деятельности. Интерпретатор-наблюдатель улавливает закономерности поведения в самой природе индивида. Идет ли речь о вещи, индивиде или сложной сущности (например, организации), они оцениваются в однопорядковых терминах на основе выделения типичного в их поведении. Этот подход основывается на устойчивых формах отношений, схемах мира, которые соотносятся и с номологической задачей, и с осуществлением политических и административных мер. Последние нуждаются в обосновании через обращение к типичным и упорядоченным поступкам.

Можно выявить пределы такого объяснения окружающего мира, где индивид не уделяет должного внимания корректировкам и обучению: все суждения заданы в намерении, плане, стратегии. Данное оцененное на основе плана действие не учитывает ни поправки на действия других индивидов, ни необходимость согласования с обстоятельствами.

- *Взаимное согласование в совместном действии с привычными участниками*

Для контраста давайте затронем способ объяснения окружающего мира, отличного от предыдущего по всем трем упомянутым аспектам. Это позволит нам наметить многообразие модальностей суждения. Новый подход к объяснению окружающего мира предполагает конфигурацию, в которой успех действия напрямую зависит от действий других участвующих индивидов, но где предпосылки совместного действия могут оставаться локальными. Зависимость в отношении ограниченного числа индивидов побуждает к точному взаимному согласованию: общее благо локально, а оценка совместного действия не затрагивает третьих лиц и не может быть обобщена, универсализирована (Thévenot, 1990b). Кроме того, и мы касаемся здесь второго аспекта отношения индивида к окружающей среде, привычный характер окружающей среды и особенно других участвующих индивидов позволяет взять за точку отсчета многочисленные и непостоянные ориентиры, чья фиксация не требует эксплицитной выработки общего суждения. Выработка общего суждения становится необязательной в условиях, когда каждый индивид ожидает от другого поправок и подсказок, которые позволяют ему понять происходящее¹¹. Анализируемый все более тонко по мере роста интереса к нему в индустриальных организациях, этот вид согласования, на первый взгляд заурядный, включен в так называемую «горизонтальную» координацию (Aoki, 1991/1988). Он характеризуется широким распространением знаний и позитивной динамикой обучения (Favereau 1989).

4.2. Согласование общих оценок: порядки значимого

Два прежде кратко описанных выше способа согласования представляют полярные конфигурации. Изучая обычные модальности суждения и их предпосылки, мы выявили иной способ, который не соответствует ни одному из предыдущих. Он охарактеризован поиском – и учетом пределов – общего суждения и предлагает соглашение об общих формах оценки. Интерес остановиться подробнее на данном порядке обусловлен тем, что он подразумевает различные спецификации, соответствующие многим видам координации и формам суждения. Таким образом, можно отнести к общим формам

¹¹ Некоторые исследования в когнитивных учениях используют прагматический подход, рассматривая само действие и окружающую среду, в которой оно осуществляется, а также распространенное во внешнем мире знание «когнитивных артефактов» (Norman 1989), неполное определение плана (Kirch, 1990) и распространение плана действия в заранее подготовленном для него пространстве (Conein, 1990).

суждения упоминание терминов экономического анализа ценности, морального уважения, политического суждения, эстетического признания, технической оценки и т.д.

Ни одна из двух полярных концепций, от которых мы оттолкнулись, – концепция действия, упорядоченного социальными нормами, и концепция рационального индивидуального выбора, – не учитывает этот способ согласования, требующий дополнения каждой из концепций элементами другой. Первая должна включать возможность согласования с ситуацией и обстоятельствами, что позволяет обнаружить точки соприкосновения с идеей рациональности. Вторая должна включить поиск общепринятых и непротиворечивых ориентиров, которые возвращают к идее нормы.

Этот способ согласования соотносится со следующей прагматической конфигурацией:

- общее благо, касающееся всех остальных индивидов;
- ссылка на общие ориентиры, на которых каждый может основать свои суждения и взять за точку отсчета в диспутах. Общие ориентиры предполагают поиск взаимности точек зрения;
- нацеленность на взаимное согласование, которое возникает на основе обобщенного суждения и позволяет производить поправки действий, имеющие универсальный характер.

- *От согласованного к справедливому*

Задача охарактеризовать данный способ согласования заставляет нас перейти от рассмотрения координации и когнитивных операций, которые вовлекают суждения, к изучению потребности в справедливости. Когда граница оценки действия расширится до предела человечества, смысл согласованности, необходимой в координации, совпадает со смыслом справедливости. Спецификации способа обоснования возникают в данном случае «снизу», отталкиваясь от исследования трудностей в координации индивидуальных действий. Именно потому, что рассматриваемые действия должны быть понятны широкому кругу лиц, личные суждения должны брать в расчет третьих лиц. В результате распространения общего блага слишком много индивидов втянуты в его сохранение и в процесс его использования, чтобы каждый смог отслеживать действия других. В данном случае речь не идет о согласовании действия, которое соотносится со знакомыми индивидами, или о согласии по поводу использования обычного языка для описания действий. Необходимо иметь общие ориентиры, производные от широко распространенных соглашений, и формы общей оценки, способные стать рамками в достижении согласия (Thévenot, 1990b).

- *Другие в целом: вежливость*

Анализ общих ориентиров, которые служат точкой отсчета в способе координации, который мы изучаем, продолжает традиции искусства вежливости. Уже рассуждения Юма о вежливости выявляют сближение между идеей добродетели и потребностью во взаимодействии с другими людьми. Юм показывает в портрете благочестивого человека совпадение между чертами справедливости и доброты, которые отличают честного человека, и благонадежностью, главной предпосылкой успеха в бизнесе. Он делает вывод, что эти черты в полной мере отражены в портретах, нарисованных Грацианом (Gracian, 1692/1647) и Кастильоном (Castiglione, 1987/1580, Hume, 1951b/1751, p. 269–270). Говоря более точно, Юм соединил различные спецификации вежливости с различными практическими конфигурациями, в которых они особенно ценны. Оценка степенью вежливости производна от правил ведения беседы, визитов и

собраний. Напротив, здравый смысл и естественность поведения, обеспечивающие доверие, принадлежат сфере домашней жизни (Hume, 1952b, Sect. VIII, p. 262).

Элиас равным образом объяснил процесс цивилизации в практической перспективе, соотнеся подчинение нормам с необходимостью перехода от действия с известными к действию с неизвестными контрагентами и необходимостью снизить риск неправильного истолкования намерений других. Нормы вежливости определяют границы, после которых сближение приобретает характер вторжения, и минимизируют зависимость хода и результатов взаимодействия от «изменчивой индивидуальности» участников (Elias, 1985/1969, p. 108). Выполнение норм вежливости позволяет избавиться от дискомфорта, связанного с сомнениями относительно намерений неизвестных индивидов. Следовательно, данные нормы делают жизнь «просчитываемой» в долгосрочном периоде и рациональной. Несмотря на сходность терминов, Элиас подчеркивает различия между «буржуазной рациональностью» и «рациональностью двора» (id.). Тем не менее, его анализ, как и анализ Юма или других авторов искусства осторожности, на которых они оба ссылаются, приводит к смешиванию совершенно различных спецификаций вежливости, ибо этот анализ акцентирует общепринятую форму суждения, которая зависит от влияния общественного мнения. В конечном счете, жажда славы оказывается смешанной с добродетелью (Hume, 1951/1751, p. 265), и проверка реальностью сводится к оглядке на мнение придворного сообщества.

- *От выражений вежливости к социуму: легитимные величины*

Современный взгляд на понятие вежливости, который традиционно связывает политику общего блага с практической осторожностью, предполагает упоминание лишь правил приличия, привычек в одежде или манер поведения за столом, которые восходят к этикету часто цитируемого для иллюстрации произвола социальных норм (Elster, 1989). Легитимные способы трактовки действий других в формах, допускающих обобщенное суждение, сегодня невозможно найти в устаревших учебниках хорошего тона, но зато их можно обнаружить в современных трудах, имеющих более широкое поле применения. Ограничиваясь определенной сферой деятельности, начинанием, мы смогли найти в них множество форм суждения, на которые мы обратили внимание ранее, в ходе изучения критики и обычных обоснований действий (причем не только в сфере экономической деятельности). Каждая сфера изложена в различных учебниках с описанием предметов, значимых для действий, согласованных с данной формой суждения и согласования. Мы сопоставили этот подход «снизу» с подходом «сверху» посредством принципов общего блага и справедливости, сформулированных в классических трудах политической философии. Способы оценки ситуации и действий в обобщенных формах соотносятся также с легитимными порядками значимого, выраженными во вдохновении, власти, репутации, общем интересе, цене, эффективности (Boltanski et Thévenot, 1991). Эти порядки удовлетворяют некоторые фундаментальные требования, которые можно связать с процедуральными теориями справедливости. Однако подход с точки зрения деятельности приводит к постепенному удалению от данных подходов и росту интереса к противоречию между суждением и действием. Это противоречие классически описано в понятии осторожности (id., p. 187), которое указывает на трудности перехода от общего к частному. Внимание к трактовке обстоятельств требует рассматривать динамику формации и пересмотра суждения в ходе диспутов.

- *Согласование оценок в общем суждении*

Терминология правил или соглашений плохо учитывает изменчивость общих ориентиров. Эта динамическая корректировка является, по нашему мнению, общей характеристикой реализма индивида, его способности учиться на основе опыта действия. В конфигурации, которую мы изучаем, данная характеристика рациональности сливается с фундаментальной потребностью в справедливости. Отсутствие пересмотра в оценке индивидов характеризует злоупотребление властью, которое является одним из главных источников чувства несправедливости.

В отличие от динамики, присущей предыдущему способу согласования, здесь согласования не могут совершаться посредством взаимных поправок и приведения в соответствие в ходе действия. Подобное приведение в соответствие позволяет не принимать во внимание выпадающих из процесса текущего согласования индивидов. Однако, если общее благо имеет более универсальный характер, тогда некий выпадающий из процесса согласования агент сможет нарушить процесс в целом, исключая контроль на основе известности. В данном случае говорят о пределах «разделяемого знания» (*savoir partagn*), которое делает неизбежным присутствие всех опорных элементов (человеческих или же нет) для их функционирования. Можно увидеть конкретное появление этой проблемы в организации мастерской, которая исходит из принципа локального распространения знаний, но исключает универсализацию суждения (Thévenot, 1992, 1993a). Для обобщенного суждения надлежащая информация о других должна иметь структуру, устраивающую всех. Согласование принимает форму процесса, выражающегося в пересмотре структуры знания и информации, отражающей общественное согласие.

Анализ суждения и критика подчеркивают место предметов в снижении неопределенности относительно намерений других индивидов и направлении согласования подходов к оценке свойств к достижению общего стандарта. Мы выделили этот аспект в координации посредством рынка, показывая, что она осуществляется только на основе согласия о природе благ (о номенклатуре благ). Если данная общая идентификация задействованных предметов отсутствует, согласование не может совершаться с помощью пересмотра оценок (цен), и возникающее подозрение разрушает данный способ координации. То же самое верно и относительно любой другой рассматриваемой здесь формы суждения. Индивиды спорят об общих характеристиках, которые являются уместными и могут быть пересмотрены в ходе суждений о провалах или успехах. Подозрения и попытки выяснить намерения отходят на второй план, если существуют рамки общепринятого, которые являются результатом инвестиций в форму.

Заключение: суждение соответствия или суждение реальности

Мы начали свое исследование с противопоставления между нормой и рациональностью. Данное противопоставление имеет глубокие эпистемологические корни и исследователь в социальных науках должен так или иначе ее разрешить. Мы предложили видоизменить данное противопоставление и включить каждый из его элементов в различные модели человеческого поведения. Эти модели производны от двух схем интеграции индивидуальных действий, схем социального порядка и рыночного равновесия. Однако мы увидели, что вышеупомянутые две схемы были серьезно модифицированы параллельными изменениями в социологических и экономических подходах к координации. В изучаемых взаимодействиях каждый индивид должен интересоваться тем, что делает другой, чтобы оценить свое собственное действие. Причем этот интерес не может быть реализован ни с помощью

следования нормам, ни на основе объективности целей и средств, лежащих в основе рационального действия.

Акцент на согласовании действий приводит нас к необходимости анализа операции суждения, посредством которой индивид учитывает значимые ориентиры и интерпретирует действия других индивидов, которые влияют на его собственную судьбу. Перспектива, связанная с координацией действий индивидов, помещает в центр рассмотрения операцию суждения, которая, предполагая интерпретацию и предвосхищение действий других индивидов, изменяет наш взгляд на рациональность. Мы не можем сводить понятие рациональности к способности расчета, а должны вписать его в более широкие рамки суждения о действии. Тогда мы сможем отнести установленные нами различия в теоретических моделях действия к различиям в требованиях, предъявляемых суждению. Эти требования обусловлены взаимозависимостью индивидов в достижении поставленных ими целей, привычным характером взаимодействия и возможностями взаимного согласования, которые выражаются в различных модальностях трактовки окружающей среды, действия.

Одна из этих модальностей, которая соотносится с порядком согласования через диспуты о справедливом, особенно интересна для нашего изучения. В первую очередь, потому что она тесно увязывает элементы модели соответствия норме и модели рационального действия, основанные на реалистичном взятии в расчет последствий действия. Изучение данного порядка согласования ставит под вопрос разделение между проверкой соответствием и проверкой реальностью. Соответствующие требования общего смысла и в доказательном объяснении не являются больше игрой слов, которой заняты представители естественных наук и наук о человеке (Winch, 1958). Согласование двух требований теперь не сводится к тому, которое предложил Вебер, – детерминизм ценностей сосуществует со свободным выбором средств для их достижения. Проверка обоснованностью связана, как и научная проверка в прагматичных теориях, с выполнением двух условий, которые вступают в противоречие: критического пересмотра доказательств и ссылки на то, что может быть использовано в качестве доказательства. В этом и заключается согласование элементов суждения (чья специфика – в согласовании средств с целью), которое увязывает выполнение двух условий.

Библиография

- AKERLOF, G., (1970), «The market for 'lemons': qualitative uncertainty and the market mechanism», *Quarterly Journal of Economics*, vol. 84, № 3, pp. 488–500.
- AOKI, M., (1991), *Economie japonaise. Information, motivation et marchandage*, Paris, Economica (traduction par H.P. Bernard).
- BECKER, G., (1976), *The Economic Approach to Human Behavior*, Chicago, Chicago University Press.
- BECKER, H.S., (1988), *Les mondes de l'art*, Paris, Flammarion (trad. de J. Bouniort, présentation de P.-M. Menger).
- BECKER, H.S., (1991), *Outsiders. Etudes de sociologie de la déviance*, Paris, Métailié (première édition: 1963).
- BENETTI, C., CARTELIER, J., (1980), *Marchands, salariat et capitalistes*, Paris, Maspéro.
- BERGER, P., LUCKMANN, T., (1986), *La construction sociale de la réalité*, Paris, Méridiens Klincksieck (traduit de l'américain par P. Taminiaux).

- BLOOR, D., 1983, Wittgenstein. A Social Theory of Knowledge, New York, Columbia University Press.
- BLOOR, D., (1984), Sociologie de la logique ou les limites de l'épistémologie, Paris, Pandore (traduction de D. Ebnöther, édition originale: Knowledge and Social Imagery, Routledge and Kegan Paul, 1976).
- BOLTANSKI, L. THÉVENOT, L., (eds.), (1989), Justesse et justice dans le travail, Cahiers du Centre d'Etude de l'Emploi, Paris, № 33, PUF.
- BOLTANSKI, L. THÉVENOT, L., (1991), De la justification. Les économies de la grandeur, Paris, Gallimard.
- BOLTANSKI, L., (1990), L'amour et la justice comme compétences, Paris, Métailié.
- BOUDON, R., (1977), Effets pervers et ordre social, Paris, PUF.
- BOUDON, R., (1979), La logique du social. Introduction à l'analyse sociologique, Paris, Hachette.
- BOURDIEU, P., (1972), Esquisse d'une théorie de la pratique, Genève, Droz.
- BOURDIEU, P., (1980), Le sens pratique, Paris, Minuit.
- CALLON, M., LATOUR, B., (eds.) (1991), La science telle qu'elle se fait, Paris, La Découverte.
- CASTIGLIONE, B., (1987), Le livre du courtisan, Paris, Ed. G. Lebovici (présenté et traduit par A. Pons d'après la version de Gabriel Chappuis, 1580).
- COLEMAN, J.S., (1986), Individual Interests and Collective Action, Cambridge, Cambridge University Press.
- CONEIN, B., (1990), «Cognition située et coordination de l'action», Réseaux, № 43, pp. 99–110.
- CRITIQUE, (1991), «Sciences humaines, sens social», n°529–530, juin-juillet (sous la direction de V. Descombes).
- DESROSIÈRES, A., (1985), «Histoires de formes: statistiques et sciences sociales avant 1940», Revue Française de Sociologie, vol. 26, № 2.
- DILTHEY, W., (1988), L'édification du monde historique dans les sciences de l'esprit, Paris, Cerf (traduction, présentation et notes par Sylvie Mesure; première édition 1910).
- DODIER, N., (1989), «Le travail d'accommodation des inspecteurs du travail en matière de sécurité», in Boltanski, L. Thévenot, L., (eds.), Justesse et justice dans le travail, Cahiers du Centre d'Etude de l'Emploi, Paris, № 33, PUF, pp. 281–306.
- DODIER, N., (1991a), «Agir dans plusieurs mondes», Critique, «Sciences humaines, sens social», n°529–530, juin-juillet (sous la direction de V. Descombes), pp. 427–458.
- DOUGLAS, M., (1989), Ainsi pensent les institutions, Paris, Usher (traduction par Anne Abeillé, préface de Georges Balandier; édition orig.: How institutions think, Syracuse – New York, University of Syracuse Press, 1986).
- DUPUY, J.-P., (1989), «Conventions et Common knowledge», Revue Economique, «L'économie des conventions», mars, pp. 361–400.
- DURKHEIM, E., (1930), Le suicide, Paris, PUF (1897).
- DURKHEIM, E., (1960), Les formes élémentaires de la vie religieuse, Paris, PUF (1912).

- DURKHEIM, E., (1966), Montesquieu et Rousseau, précurseurs de la sociologie, Paris, Librairie Marcel Rivière.
- DURKHEIM, E., (1975), Textes, 3 tomes, Paris, Minuit (présentation de V. Karady).
- DURKHEIM, E., (1983), Les règles de la méthode sociologique, Paris, PUF (1895).
- DURKHEIM, E., MAUSS, M., (1971), «De quelques formes primitives de classification. Contribution à l'étude des représentations collectives» (Année sociologique, 6., 1903) republié dans Mauss, M., Essais de sociologie, Paris, Ed. de Minuit, Col. Points.
- ELIAS, N., (1985), La société de cour, Paris, Flammarion (traduction de P. Kamnitzer et J. Etoré, préface de R. Chartier).
- ELSTER, (1979), Ulysses and the Sirens. Studies in rationality and irrationality, Cambridge, Cambridge University Press, Paris, Editions de la Maison des Sciences de l'Homme.
- ELSTER, J., (1987), Le laboureur et ses enfants. Deux essais sur les limites de la rationalité, Paris, Minuit (trad. par A. Gerschenfeld).
- ELSTER, J., (1989), The Cement of Society, Cambridge, Cambridge University Press.
- EYMAR-DUVER-NAY, F., (1986), «La qualification des produits», in Salais, R., Thévenot, L., (eds.), Le travail. Marché, règles, conventions, Paris, INSEE-Economica, pp. 239–247.
- EYMAR-DUVER-NAY, F., (1989), «Conventions de qualité et formes de coordination», Revue Economique, «L'économie des conventions», mars, pp. 329-359.
- FAVEREAU, O., (1992), «Note de lecture sur Le modèle économique et ses rivaux de Philippe Van Parijs», Recherches Economiques de Louvain, <à paraître>.
- FAVEREAU, O., (1989), «Marchés internes, marchés externes», Revue Economique, «L'économie des conventions», mars, pp. 273–328.
- FEREJOHN, J., SATZ, D., (1993), «Rational choice and social theory», in Orléan, O. (ed.) L'économie des conventions, Paris, PUF.
- GADAMER, H.-G., (1976), Vérité et méthode, Paris, Seuil (traduction de E. Sacre, révisée par P. Ricoeur, de la deuxième édition de 1965; première édition, 1962).
- GADAMER, H.-G., (1979), «The Problem of Historical Consciousness», in Rabinow, P., Sullivan, W.M., (eds.), Interpretive Social Science, Berkeley, University of California Press (édition orig.: «Le problème de la conscience historique», Louvain, Institut Supérieur de Philosophie, Université Catholique de Louvain, 1963), pp. 103–160.
- GARFINKEL, H., (1984), Studies in Ethnomethodology, Cambridge, Polity Press.
- GAUTHIER, D., (1986), Morals by agreement, Oxford, Oxford University Press.
- GEERTZ, C., (1986) «Savoir local, savoir global: les lieux du savoir», PUF.
- GOODMAN, N., (1978), Ways of Worldmaking, Indianapolis, Hackett.
- GOODMAN, N., (1984), Faits, fictions et prédictions, Paris, Minuit (traduction de M. Martin Abran et P. Jacob, avant-propos de H. Putnam, première édition 1954).
- GRACIAN, B., (1692), L'homme de cour, Paris, Barbier (trad. A. de la Houssaye; première édition: 1647).

- HABERMAS, J., (1987), *Théorie de l'agir communicationnel*, Paris, Fayard (traduit par J.-M. Ferry et J.-L. Schlegel de la troisième édition de *Theorie des kommunikativen Handelns*; édition orig.: Francfort, Suhrkamp Verlag, 1981).
- HACKING, I., (1982), «Language, truth and reason», in Hollis, M., Lukes, S., (eds.) *Rationality and Relativism*, Cambridge, MIT Press.
- HACKING, I., (1990a), *The taming of chance*, Cambridge, Cambridge University Press.
- HACKING, I., (1990b), *Concevoir et expérimenter*, Paris, Christian Bourgois (traduit par B. Ducrest de *Representing and Intervening. Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science*, 1983).
- HAMPTON, J., (1986), *Hobbes and the Social Contract Tradition*, Cambridge, Cambridge University Press.
- HARRÉ, R., (1970), *The Principles of Scientific Thinking*, London, Macmillan.
- HARSANYI, J.C., (1976), *Essais on Ethics, Social Behavior, and Scientific Explanation*, Dordrecht, Reidel.
- HIRSCHMAN, A., (1981), *The Passions and the Interests; Political Arguments for Capitalism before its Triumph*, Princeton, Princeton University Press (première édition, 1977).
- HOBBS, T., (1971), *Leviathan*, Paris, Sirey (traduction et notes de F. Tricaud de l'édition de 1651).
- HOBBS, T., (1974), *De Homine*, Paris, Librairie Albert Blanchard (traduction et commentaires par P.-M. Maurin, préface par V. Ronchi; édition orig: 1658).
- HOLLIS, M., Lukes, S., (eds.) 1982, *Rationality and Relativism*, Cambridge, MIT Press.
- HUGHES, E., (1971), *The Sociological Eye: Selected Papers of Everett Hughes*, Chicago, University of Chicago Press. Hume, D., 1951a, *An Enquiry Concerning Human Understanding*, Oxford, Clarendon Press (ed. L.A. Seby-Bigge).
- HUME, D., (1951b), *An Enquiry Concerning the Principles of Morals*, Oxford, Clarendon Press (ed. L.A. Seby-Bigge, 1893).
- KIRSCH, D., (1990), «Préparation et improvisation», *Réseaux*, № 43, pp. 111–120 (trad. par B. Conein et M. de Fornel).
- KRAMARZ, F., (1991), «Du marché à l'interaction», *Critique*, «Sciences humaines, sens social», № 529–530, juin-juillet (sous la direction de V. Descombes), pp. 479–491.
- KRIPKE, S.A., (1982), *Wittgenstein on Rules and Private Language*, Oxford, Basil Blackwell.
- KUHN, T., (1983), *La structure des révolutions scientifiques*, Paris, Flammarion (traduit par Laure Meyer de la nouvelle édition de 1970; première édition 1962).
- KUHN, T.S., (1977), *The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change*, Chicago, University of Chicago Press.
- LATOUR, B., (1989), *La science en action*, Paris, La Découverte
- LEWIS, D., (1969), *Convention. A Philosophical Study*, Cambridge, Harvard University Press (foreword by W.V. Quine).
- LIVET, P., (1987), «Les limitations de la communication», *Les études philosophiques*, juillet.

- LIVET, P., THÉVENOT, L., (1993), «L'action collective», in Orléan, O. (ed.) *L'économie des conventions*, Paris, PUF.
- MAUSS, M., (1950), «Esquisse d'une théorie générale de la magie» (*Année Sociologique*, 1902-1903) republié dans *Sociologie et anthropologie*, Paris, PUF (introduction de C. Lévi-Strauss).
- MAUSS, M., (1971), *Essais de sociologie*, Paris, Ed. de Minuit, Col. Points.
- MERTON, R.K., (1968), *Social Theory and Social Structure*, New York, The Free Press.
- MILL, J.S., (1968), *L'utilitarisme*, Paris, Garnier-Flammarion (traduction, préface et notes par G. Tanesse, sur la 4e édition de 1871; première édition 1863).
- MILL, J.S., (1988), *The Logic of the Moral Sciences*, La Salle, Ill., Open Court (introduction by A.J. Ayer, from the eight edition 1872; first edition 1843: *Sixth Book of A System of Logic ratiocinative and inductive, being a connected view of the principles of evidence and the methods of scientific investigation*).
- MONGIN, P., (1984), «Modèle rationnel ou modèle économique de la rationalité?», *Revue économique*, № 1, janvier, pp. 9–63.
- NORMAN, D., (1989), «Cognitive artefacts», *Workshop on Cognitive Theory and Design in Human Computer Interaction*, Chappaqua, june.
- OLSON, M., (1978), *La logique de l'action collective*, Paris, PUF (première édition américaine: 1965).
- ORLÉAN, A., (1986), «Le rôle des conventions dans la logique monétaire», in Salais, R., Thévenot, L., (eds.), *Le travail. Marché, règles, conventions*, Paris, INSEE-Economica, pp. 239–247.
- ORLÉAN, A., (1991), «Logique walrasienne et incertitude qualitative: des travaux d'Akerlof et Stiglitz aux conventions de qualité», *Economies et Sociétés*, série *Oeconomia*, № 14, pp. 137–160.
- PARETO, V., (1968), *Traité de sociologie générale*, Genève, Librairie Droz (ed. française de 1919 par P. Boven, revue par l'auteur, préface de R. Aron).
- PARSONS, T., (1968), *The Structure of Social Action*, New York, The Free Press (first edition 1937).
- PASSERON, J.-C., (1991), *Le raisonnement sociologique. L'espace non-poppérien du raisonnement naturel*, Paris, Nathan.
- PEIRCE, C.S., (1984), *Textes anticartésiens*, Paris, Aubier (présentation et traduction de J. Chenu).
- PHARO, P., QUÉRÉ, L., (eds.), (1990), *Les formes de l'action*, série *Raison Pratique* № 1, Paris, Ed. de l'EHESS.
- PUTNAM, H., (1990), *Représentation et réalité*, Paris, Gallimard, *Essais* (traduction de C. Engel-Tiercelin).
- QUETELET, A., (1835), *Sur l'homme et le développement de ses facultés. Essai de physique sociale*, 2 tomes, Paris, Bachelier.
- RABINOW, P., SULLIVAN, W.M., (1979), *Interpretive Social Science*, Berkeley, University of California Press.
- REYNAUD, B., (1992), *Le salaire, la règle et le marché*, Paris, Christian Bourgois

- REYNAUD, J.-D., (1989), *Les règles du jeu. L'action collective et la régulation sociale*, Paris, Armand Colin. Reynaud, B., 1991, *Le salaire, la règle et le marché*, Paris, Christian Bourgois.
- RICOEUR, P., (1986), «Expliquer et comprendre. Sur quelques connexions remarquables entre la théorie du texte, la théorie de l'action et la théorie de l'histoire», *Revue philosophique de Louvain*, vol.75, février 1977, republié dans Ricoeur, P., 1986, *Du texte à l'action. Essais d'herméneutique II*, Paris, Seuil-Esprit, pp. 161–182.
- SHELLING, T.C., (1978), *Micromotives and Macrobehavior*, New York, Norton and Co.
- SCHLEIERMACHER, F.E.D., (1987), *Herméneutique*, Paris, CERF/PUL (traduit par C. Berner).
- SCHOTTER, A., (1981), *The Economic Theory of Social Institutions*, Cambridge, Cambridge University Press.
- SCHUTZ, A., (1972), *The Phenomenology of the Social World*, London, Heinemann.
- SIMON, H.A., (1978), «Rationality as Process and as Product of Thought», *American Economic Review*, vol.68, № 2, pp. 1–16.
- SIMON, H.A., (1981), *The Sciences of the Artificial*, Cambridge, MIT Press.
- STIGLER, G.J., (1961), «The Economics of Information», *Journal of Political Economy*, 69, pp. 213–225.
- STIGLITZ, J., (1987), «The causes and consequences of the dependence of quality on price», *Journal of Economic Literature*, vol. 25, pp. 1–48.
- STRAUSS, A., (1979), *Negotiations*, San Fransisco, Jossey-Bass.
- STRAUSS, A., (1992), *La trame de la négociation; sociologie qualitative et internationnisme, textes réunis et présentés par I. Baszanger*, Paris, L'Harmattan.
- SWEDBERG, R., (eds.), (1990), *Economics and Sociology*, Princeton, Princeton University Press.
- THÉVENOT, L., (1993)a, «Formes de savoir collectif et régimes d'ajustement des actions: coordination par jugement commun / accommodation et connaissances distribuées», contribution au colloque «Limites de la rationalité et constitution du collectif», Cerisy, 6–12 juin.
- THÉVENOT, L., (1984), «Rules and implements: investment in forms", *Social Science Information*, vol.23, № 1, 1984, pp. 1–45.
- THÉVENOT, L., (1986), «Les investissements de forme», in Thévenot, L. (ed.), *Conventions économiques*, Cahires du Centre d'Etudes de l'Emploi, Paris, PUF, pp. 21–71.
- THÉVENOT, L., (1987), «Forme statistique et lien politique. Eléments pour une généalogie des statistiques sociales», Paris, Centre d'Etudes de l'Emploi, 79 p.
- THÉVENOT, L., (1989), «Equilibre et rationalité dans un univers complexe», *Revue Economique*, № 2, mars, pp. 147–197.
- THÉVENOT, L., (1990a), «La politique des statistiques. L'origine sociale des enquêtes de mobilité sociale», *Annales ESC*, № 6, novembre, pp. 1275–1300.
- THÉVENOT, L., (1990b), «L'action qui convient», in Pharo, P., Quéré, L., (eds.), *Les formes de l'action*, Paris, Editions de l'EHESS, pp. 39–69.

- THÉVENOT, L., (1992), «Jugements ordinaires et jugement de droit», *Annales, ESC*, № 6, nov.-déc. 1992, pp. 1279–1299.
- THÉVENOT, L., (1996a) (avec O. Favereau), «Réflexions sur la notion d'équilibre utilisable dans une économie de marchés et d'organisations», in Ballot, G. (ed.), *Les marchés internes du travail; de la microéconomie à la macroéconomie*, Paris, PUF, pp. 319–349.
- TIROLE, J., (1988), *The Theory of Industrial Organizations*, Cambridge, MIT Press.
- VAN PARIJS, P., (1990), *Le modèle économique et ses rivaux. Introduction à la pratique de l'épistémologie des sciences sociales*, Genève, Droz (partiellement traduit de l'anglais par D. Berns et P. De Brabanter).
- VON MISES, L., (1963), *Human Action*, Chicago, Henry Regnery Company (première édition 1949).
- WALZER, M., (1983), *Spheres of Justice. A defence of Pluralism and Equality*, Oxford, Basil Blackwell.
- WEBER, M., (1949), *The Methodology of the Social Sciences*, New York, The Free Press (translated and edited by E.A. Shils and H.A. Finch).
- WEBER, M., (1967), *L'éthique protestante et l'esprit du capitalisme*, Paris, Plon (traduit par J. Chavy).
- WEBER, M., (1971), *Economie et société*, Paris, Plon (traduit sous la direction de J. Chavy et E. de Dampierre), t. 1.
- WINCH, P., (1958), *The Idea of a Social Science and its Relation to Philosophy*, London, Routledge and Kegan Paul.
- WITTGENSTEIN, L., (1968), *Philosophical Investigations*, Oxford, Basil Blackwell (Translated by G. E. Anscombe; edition orig.: 1953).